A black and white illustration of a young boy with short hair, wearing a t-shirt and trousers, running on a wavy line that represents a path or a river. He has his arms raised high, reaching towards three horses that are flying through the air above him. The horses are depicted in a stylized, almost ethereal manner, with their bodies elongated and legs trailing. The background is plain white.

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалюка

Тамара Михеева

Юркины Бумеранги

Тамара Витальевна Михеева
Юркины Бумеранги (сборник)
Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25102396
Михеева Т. В. Юркины Бумеранги : рассказы и повести: Детская
литература; Москва; 2014
ISBN 978-5-08-005220-0

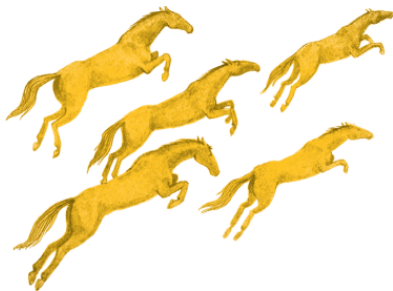
Аннотация

В сборник входят рассказы и две повести: «Лодка в больших камышах» и «Две дороги – один путь». Первая повесть – дневник молодой вожатой в детском летнем лагере отдыха. Вместе со своими подопечными она переживает различные ситуации, которые и ее саму, и ее мальчишек и девчонок делают взрослее, учат жить в коллективе, считаться с мнением сверстников и взрослых, уметь понимать себя и других, отстаивать свою позицию. Вторая повесть – о городских подростках, проблемах их досуга в урбанизированном мире.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	6
Юркины Бумеранги	8
Гусиная пастушка	15
Тай	39
Алька	44
Летательные конфеты	56
Мой дедушка – Дед Мороз	60
Елочная история	64
Лодка в больших камышах	72
Васька	75
Ночные разговоры	75
Валерик и другие	84
Утро	86
Васькины мучения	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Тамара Михеева

Юркины Бумеранги

(сборник)

© Михеева Т. В., 2014

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Михалина Е., иллюстрации, 2014

© Макет, составление. ОАО «Издательство «Детская литература», 2014

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

ПРОГРАММА

*Выпуск осуществлен при финансовой поддержке
Департамента средств массовой информации и
рекламы города Москвы*

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского фонда культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Вторым Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, поэзии. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов.

Отправить свое произведение на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на рус-

ском языке. Судят присланные рукописи два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-лист конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Юркины Бумеранги

Бумеранги – это лошади. Они живут на одном мысе, едят желтую траву, а на закате смотрят печальными глазами на

море. Еще у всех Бумерангов рыжеватая гладкая шерсть и медная жесткая грива.

Маленький Юрка был в этом уверен. Он рисовал лошадиные морды на запотевшем стекле окна и повторял это странное, незнакомое слово: «Бумеранг. Бу-ме-ранг. Бумеранги».

Ему хотелось побольше узнать об этих лошадях, но мама все время была занята: она писала папе письма на Север и рассказывала об этом Юрке перед сном.

Однажды Юрка засомневался, что Бумеранги – это рыжие лошади с мыса, потому что он услышал через открытую форточку, как мальчишки кричали во дворе:

– Миха, пойдем на пустырь в бумеранг играть!

Мама сидела за своим большим столом и рисовала картинки к одной детской книжке – завтра она отнесет их в редакцию. Юрка не хотел ее отвлекать, но он не мог понять, как в рыжих лошадей с печальными глазами можно играть на пустыре.

– Мам, а Бумеранги – это лошади?

– Угу, – рассеянно ответила мама, не отрываясь от работы.

Юрка успокоился. Он понял, что мальчишки просто представляют, что к ним пришли Бумеранги. Конечно, ведь каждому хочется подружиться с рыжими лошадьми, которые по вечерам смотрят с мыса на море.

Иногда они Юрке снились. Они приходили то поодиночке, то целым табуном, смотрели ему в глаза и брали с его рук белые кусочки сахара.

Юрка просыпался счастливым.

Ни в школе, ни во дворе он никому не рассказывал о Бумерангах: у него не было друзей.

Больше всего Юрке хотелось, чтобы поскорее приехал с Севера папа и повез бы его на тот мыс, где пасутся рыжие лошади, но папы так давно не было, что он его уже и не помнил.

Юрка внимательно слушал мир. Он был ему мало знаком. В детский сад Юрку не водили. Он жил с бабушкой в деревне, бабушка его сама лечила, «на ноги подняла», потому что Юрка очень больным родился, а мама все разбиралась тогда в своей жизни.

Там, в глухой маленькой деревушке, все для Юрки было знакомо и понятно. Трава была мягкая, послушная, говорливая. Собаки – добрые. Люди – ласковые.

В городе иначе. Бабушка сначала тоже приехала с Юркой и мамой в город, готовила им завтрак и вздыхала, слушая, как мама помогает делать Юрке уроки, но потом устала и вернулась туда, где коровы звенят по утрам колокольчиками, а летними ночами мальчишки уходят в ночное. Среди их коней встречаются похожие на Бумерангов.

Сперва в городе Юрке не снились Бумеранги, но однажды ночью он проснулся в грозу, и когда вспыхивало молнией небо, на стену ложилась тень. Она была похожа на силуэт лошади с жеребенком...

Наверно, там, на мысе, поросшем желтой степной травой и низкорослым кустарником, жеребята рождаются глубокой осенью, когда воздух тревожный, густой, а небо низкое, цвета стали. У жеребят тонкие ноги, они подкашиваются, но за зиму окрепнут, и к новому лету жеребята смогут вместе со взрослыми лошадьми провожать в море закат. И глаза у них тоже станут грустными. Юрке хотелось знать о Бумерангах больше, но ни в одной книге не было про них написано.

– Мам, кто такие Бумеранги?

– Ну они всегда возвращаются, – как обычно, рассеянно ответила мама, не отрываясь от письма папе на Север. – Юрик, ты же видишь, я работаю.

Они всегда возвращаются – Юрка знал это.

Куда бы ни уходили Бумеранги, по каким бы степям, холмам ни скакали, на закате все возвращаются на мыс и смотрят в море.

Юрке очень хотелось знать, о чем они думают, безмолвно застывая на берегу. Но, даже приходя к Юрке во сне, Бумеранги не открывали своей молчаливой тайны.

– Я написала папе, чтобы он привез тебе бумеранг, – сказала мама Юрке перед сном.

Он не удивился: папа все может, но Юрке не хотелось, чтобы хоть одного рыжего Бумеранга увозили с мыса в душный город, где нет моря.

– Мам, ты все время пишешь папе письма, а он нам – нет...

– Папа много работает, Юрик.

На следующий день мама прибежала домой веселая, счастливая, сбросила мокрый от весеннего дождя плащ. Звонко чмокнула Юрку в макушку.

– А нам с тобой письмо!

– Письмо?! От бабушки! – соскочил с подоконника Юрка.

– От папы!!!

Письмо было замечательное, и папа был такой, который сможет увезти их к Бумерангам и услышать пушистую траву в бабушкиной деревне. Но только слишком его почерк был похож на мамин...

А потом пришло лето с теплыми ливнями и грозами, с тополиной метелью и солнцем. Все чаще мама стала задерживаться после работы.

Юрка хотел ехать к бабушке, но однажды утром на его постель сели мама и бородатый мужчина.

– С добрым утром, сын, – сказала мама.

Она взлохматила Юркины волосы. У нее были необыкновенно счастливые глаза.

– Это тебе – бумеранг. – И папа протянул Юрке странно изогнутую деревяшку.

Они пили чай с конфетами и лимоном, катались в парке на качелях, и папа поднимал Юрку и маму прямо в небо. У Юрки бухало сердце, а мама по-девчоночьи визжала. Они ели мороженое на набережной, глядели в небо и пускали ракеты.

А ночью Юрка тихонько всхлипывал в подушку. Бумерангом оказалась эта нелепая палочка, пусть даже красивая! И пусть даже папа так здорово пускает ее и она возвращается! Но на мысе у моря нет рыжих лошадей с печалью в глазах!

– Юрка, ты что? – спросил папа.

Ему не объяснишь, даже если он ПАПА!

– Ну-ка подвинься.

У папы были сильные руки, они обняли Юрку за плечи. А голос тихий и такой, каким рассказывают сказки.

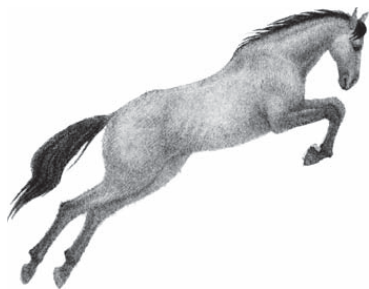
– Знаешь, сын... Далеко на юге есть море. Там, на берегу, живут лошади. На закате они кажутся рыжими. Это очень умные лошади. И очень сильные. Они не раз спасали от беды людей. Но почему-то они грустят, особенно когда солнце садится в море. Лошади собираются на берегу и смотрят ему вслед. Наверно, им жаль расставаться с солнцем, а может, у них есть какая-то тайна...

Ну, конечно, папа просто не знает, что эти лошади – Бумеранги.

Взрослые много не знают. Вот и называют вещи не своими именами. Станные люди эти взрослые.

Но не все – Юрка теперь это понимал.

Некоторые знают Бумерангов, грустят о море и пишут письма на Север, чтобы однажды дожидаться чьего-то возвращения...

Гусиная пастушка

«Не такая уж важная птица – гусь. Очень надо его бояться!» – думал Андрейка который день. Ну что в нем особенно-го? Шея длинная, лапы оранжевые. Да еще шипит как ненормальный. Вытянет шею, клюв выставит и идет на тебя тараном. Вот бы замахнуться палкой и дать ему по шее! Но папа недаром говорит, что Андрейка нежного воспитания. И палку Андрейка не возьмет, а голыми руками отогнать не может – боится.

Недавно среди старых книг Андрейка нашел рассказ «Волodyа и книги». Там говорилось про одного мальчика, который шел из библиотеки с книгами, а на него со всех сторон гуси напали. Так этот мальчик за книги испугался: как бы гуси библиотечные книги не разорвали. Он упал на них спиной и ногами от гусей отбивался, книги спасал... Ну, навер-

ное, смелый был мальчик Володя. А Андрейка, получается, трус? Не хотелось Андрейке быть трусом.

Он гусей-то живьем только в этом году увидел. Приехали они с мамой в гости к ее подруге в деревню. Сначала Андрейке очень здесь понравилось. Дом у тети Тани был большой, светлый, а двор такой, что на роликах можно кататься. Две кошки в сених жили, а во дворе – здоровенный пес Мухтар. Никого Андрейка не боялся. С Мухтаром подружился сразу, корову Зорю гладил и даже доить пробовал под тети Таниным руководством, поросят по спинкам хлопал и кур кормил. А красавец петух хоть подружиться и не захотел, но Андрейку сторонился, только косился темным круглым глазом.

Мама смеялась, прижимала Андрейкину голову к груди: «Андрей-воробей у нас с любой живностью общий язык найдет!»

Знала бы она!

И ребята в деревне были хорошие. Не дразнили городского мальчишку и не приставали. Пару раз брали ролики показаться, звали купаться на ставок, научили свистульки делать из мышиного гороха – стручков акации. Немного портила жизнь дочка тети Тани, Наташка, но это мелочи.

И все было бы хорошо, если бы не гуси...

Три дня назад мама разбудила Андрейку ни свет ни заря и сказала:

– Вставай, Андрюша, пойдем воды из колодца на зорьке попьем. Утром она самая вкусная. Ты такой никогда не пил. Кто же откажется?

Андрейка мигом вскочил, оделся, позвякал умывальником на кухне и выскочил на высокое крылечко. У-у-ух! Зажмурился от света, рукой прикрыл глаза, но июльское солнце, жаркое, щедрое, высветило ладонь, сделало розовой и прозрачной и с прежней упругой силой бьет по глазам, просачивается сквозь пальцы.

– Андрей, догоняй! – крикнула мама из-за ворот.

И Андрейка бросился вдогонку.

Деревня не то что город, просыпается рано. Горланят петухи по заборам, гремят ведра в хлевах, слышится перебранка из какого-то дома, на большой дороге трубит пастуший рожок: «Выгоняйте коров изо всех из дворов!»

Скрипучей музыкой запел ворот колодца, зазвенела, заклацала цепь, пустое ведро застучало о стенки и будто засмеялось.

– Вкусно? Ну, вкусно? – стала допытывать его мама.

Андрейка, жмуясь, кивнул...

От колодца шли медленно, молча. У кладбища мама сказала:

– Ты беги домой, а я к бабе Дарье зайду.

Андрейка кивнул и пошел домой один, стараясь не смотреть на ворота кладбища, на пестроту памятников и крестов за ними, на неясные лица на фотографиях. Он не боялся,

но неловко было, будто невнимательным взглядом он мог потербить чужую печаль. Самого Андрейку эта печаль еще ни разу не коснулась. Баба Дарья была маминой бабушкой, умерла давно, и Андрейке иногда казалось, что она не умерла, а живет неподалеку в низеньком домике с зелеными ставнями.

В общем, день обещал быть замечательным, и надо же, все испортили гуси!

Они вывернули из проулка, целое войско! Сверкая белыми перьями и гогоча, они двигались Андрею навстречу. В центре – поменьше, подросшие гусята, по краям – большие, мощнолапые, злые. Тянули шеи, вышагивали.

Андрейка в нерешительности остановился. Свернуть в проулок? Нет, уже не успеть. Обойти стороной не получится: гуси растянулись по всей улице. И обратно уже не повернуть: будет очень похоже на бегство. И гусями-то (как назло!) ко-

мандует девчонка. Тонконогая, загорелая, кожа на носу облезла, светлые волосы висят сосульками, едва-едва прикрывающая уши. Гуси приближались. Гусята заволновались, большие угрожающе зашипели, переходя почти на свист.

А что он им сделал?! Просто мимо шел!

«Защиплют! – мелькнуло в Андрейкиной голове. – До смерти ведь могут... Да помогите! Ну уж, не до смерти... Ма-а-ма-а!» Андрейка чуть не заверещал от страха. И заверещал бы, но встретился с насмешливыми серо-зелеными глазами маленькой пастушки. Она улыбнулась, будто гуси – невинные собачки, которые лают, а кусать не кусают.

– Фьють! – свистнула девчонка и замахала длинным тонким прутом, отгоняя гусей от Андрейки и сбивая их в кучу. – А ну пошли, пошли отсюда! Вот дураки... Кому говорю! Фьють, фьють!

Ловко согнав своих подопечных, девочка погнала их по дороге. Обернулась, и ее волосы описали золотой полукруг. Сказала, прищурив глаза:

– Приезжий небось?

– Небось, – тихо ответил Андрейка, дивясь странному слову. Оно показалось Андрейке обидным, насмешливым.

А тут еще какая-то старуха в цветастом платке крикнула на всю улицу:

– Ишь, Босоногая, напугала мальчонку! Сладу с тобой никакого нет!

Вечером поднялся сильный напористый ветер. Андрейка забрался на чердак. Чердак был щелястый, и ветер гудел в нем, как в большом гулком барабане. Сквозь щели Андрейка видел кусочек улицы, ветки тополя, забор соседнего дома, крыши... Слышал, как тетя Таня сердилась:

– Зб́ря, Зб́ря! Иди скорее, чего ты плетешься, как старуха дряхлая, позади всего стада?!

Грустно было Андрейке. Теперь эта девчонка всей деревне расскажет, как он гусей испугался.

«Чего с него взять, с городского!» – презрительно ответят ей мальчишки. И всё из-за каких-то гусей!

За ужином Андрейка спросил:

– Теть Тань, а почему вы гусей не держите?

– Еще чего не хватало! – всплеснула руками тетя Таня. – И так с Наташкой еле справляемся. Да и не люблю я их. А чего это ты вдруг?

– Да так... – стараясь быть равнодушным, сказал Андрейка. – Встретил сегодня девчонку с гусями...

– Девочку, – поправила мама.

– А-а, это Леся Босоногая, Полинина внучка. Огонь-девчонка! Как с ней Полина справляется! Родители-то у нее деловые. Полинин-то сын, Пашка, сейчас рестораны в городе держит, а любезная его все по заграницам мотается, – говорила тетя Таня. – Дочке-то няньку наняли: она ее танцам обучала, языкам, музыке. Уморила, видать, девчушку, она к бабке-то и приехала. Одна, без вещей, в платице легком.

«Вот она я, – говорит, – если не хочешь, чтобы я по подвалам шлялась, бери к себе. Пожалей, раз бабка, а из дома я все равно сбегу». Шесть лет было девчонке. Полина туда-сюда, в город к сыну рванула, что, мол, ты, окаанный, делаешь? Но он ее, видно, уговорил, то ли деньгами, то ли жалостью, я уж не знаю. С тех пор здесь Леся и живет. С моей Наташкой в классе учится.

Тетя Таня рассказывала и проворно убирала со стола, накрывала к чаю. Поставила большие кружки, похожие на пиалы, варенье из ревеня, миску с румяными маленькими пирожками – с капустой, мясом и со щавелем.

– Да ладно, Полина-то еще молодая, крепкая, но была бы девочка как девочка, а то ведь согрешишь с такой. По весне пастухи взяли с собой (она ведь как заноза пристанет – не отвяжешься), вечером стадо встречаем, глядим, а Леська-то наша самого норовистого быка, Микуловского, оседлала и едет впереди всех! Микулов как увидел, чуть удар его не хватил, а она только смеется да за уши бычищу этого треплет. «Дядя Гриша, – говорит, – какой бык у вас лапочка!» Нашла «лапочку»!

Андрейка совсем скис.

Даже мама заметила:

– Что с тобой, Андрюша? Устал?

– Да... – промямлил тот в ответ. Не признаваться же, что перед этой самой Лесей сегодня гусей испугался. – А почему ее Босоногой зовут? – спросил он.

– Да бегают босиком до самых холодов. У нее уже подошвы как деревянные.

– Вот так девочка! – изумилась мама, обнимая Андрейку. – Как же она с быком совладала?

– Ну уж не знаю... – вздохнула тетя Таня. – Говорят, будто слово какое-то она знает. Да, наверное, просто страха у нее нет, животные ведь чувствуют, когда их боятся.

– Ох, – сказала мама, – бык, корова – это еще ладно, у них хоть глаза человеческие, а гуси... Гусей я сама боюсь.

– И не говори! У нас только Полина их и держит да еще Матерниковы. А Полине-то сын их привез, платит ей за гусей этих. У него в ресторанах гуси вроде как коронное блюдо. Так бы стала она их держать, как же! Мороки больше... Я их тоже боюсь: вылупятся на тебя и шипят, будто режут их.

Тетя Таня глянула в окно, сказала в сердцах:

– Когда же дождь будет? Земля вся сухая!

А Андрейка вздохнул украдкой: оттого, что мама и тетя Таня тоже боятся гусей, ему стало чуточку легче.

Ночью снился Андреюке дождь, сильный, хлесткий, но теплый.

Снилось ему, будто Леся Босоногая бежит по дороге под этим дождем, держит в руках большие лапти и, запрокинув голову, подставив лицо дождю и солнцу, смеется, щуря серо-зеленые глаза. А сам Андрейка стоит у калитки дома, где раньше баба Дарья жила и думает: «Зачем ей лапти, она же

Босоногая?»

Увидела его Леся и кричит:

«Ты откуда взялся, синеглазый такой? Гусей-то небось боишься?»

«Боюсь», – признаётся Андрейка робко.

«А я слово знаю, меня бабка Дарья научила. Я слово волшебное скажу – и никто меня не тронет: ни зверь, ни человек».

«Баба Дарья умерла давно, врешь ты все!»

«Фью! – присвистнула Леся. – Много ты знаешь, синеглазик!»

Подбежала к нему Леся, схватила за руку и тащит на дорожку под дождь.

«Пойдем, я научу тебя по лужам бегать».

«Я умею, – сопротивляется Андрейка. – Лучше ты мне волшебное слово скажи».

«А вот ты меня догони – скажу!»

И бросилась бежать от Андрейки по лужам, поднимая мутные брызги, по траве, мокрой и скользкой, по деревянным тротуарам. Быстро бежала Леся, размахивая лаптями. Так и не догнал ее Андрейка, не узнал волшебного слова.

Загорланили петухи, сон скомкался и оборвался.

После завтрака мама сказала:

– Мы с тетей Таней съездим в Калиновку, к вечеру вернемся. Вы с Наташей хозяйничайте, хорошо?

Было совсем нехорошо, потому что Наташка придира и зануда, но Андрейка проситься в Калиновку не стал. Раз мама брать его не хочет, то и пожалуйста, не очень-то и хотелось!

Мама сказала только на прощание:

– Не печалься, Воробышек, мы скоро. И не забудь пообедать.

Наташка, конечно, сразу начала задаваться. Еще бы! Ведь она старше Андрейки на целый год! А выше – головы на две. Каланча...

– Я пойду за водой, а ты сходи на пруд, принеси песку, нам песок для кактусов нужен. Мама хочет кактусы посадить, а им необходима песчаная почва.

Будто Андрейка не знал, что кактусам нужно! Это ведь они с мамой привезли тете Тане целый кактусятник – штук пятнадцать кактусиных росточков, разных-преразных.

И чего эта Наташка воображает? Еще и крикнула вдогонку:

– Целое ведро не носи: тяжело будет. А то еще надорвешься!

Думает, если вымахала с телебашню, то и сильнее его? Спица бестолковая... Андрейка шел не торопясь, помахивая ведром, пусть Наташка не думает, что он бежит и тапочки теряет выполнять ее поручения!

Пруд в деревне был маленький, ивы вокруг столетние,

трава высокая, осока и камыши, калужница по берегам цветет, а в центре – белые кувшинки. В пруду никто не купается, говорят, будто омутов и воронок здесь много, затянет – крикнуть не успеешь. Но мостки все равно сделали. Женщины полоскали с них белье, мужики рыбачили. Мальчишки ходили сюда ловить раков. Ходил один раз с ними и Андрейка. А вечером они часто с мамой здесь гуляли. Мама читала стихи, которых много знала наизусть, и то и дело говорила: «Смотри, Андрейка, как красиво!»

В общем, пруд Андрейка любил. И надо же! Опять эти гуся! Загнала их Леся Босоногая в воду, сама встала на мосток, прутиком забила по воде.

– Фьють! Фьють! Пошли, пошли купаться! А ну, Обжора, не поворачивай к берегу. Матушка, стереги-ка детей. Вон Гераська уплывет сейчас!

Голос у Босоногой Леськи звонкий, громкий, на весь пруд слышно.

– Ну, эта всю рыбу распугает! – проворчал рядом с Андрейкой какой-то дед, хотя ни одного рыбака видно не было.

«Еще и имена всем дала», – подумал Андрейка и стал набирать руками темный береговой песок. Набирал и видел, что Леся на него поглядывает, только разобрать не мог, какой у нее взгляд. Хотя чего там... презрительный, конечно. Мальчишка, а гусей боится!

– А-а-а-а-а! – раздалось вдруг над прудом.

Андрейка вскинул голову и ахнул: пуст был мосток, а в

воде неумело барахталась и кричала Леська!

Плавал Андрейка хорошо. Недаром с трех лет мама водила его в бассейн, а летом возила на море. Про воронки и омуты в пруду он, конечно, забыл и вспомнил только тогда, когда потащил девчонку к берегу.

«Ой, мама!!!» – обожгло Андрейку, но Леська так доверчиво держалась за него, что Андрейка подумал: «Ничего, доплывем!»

Мысли скакали у Андрейки, как мячики: «Пусть она гусей не боится, зато я вон как плаваю... Ой, если мама узнает, что я в пруду купался, ой, она меня убьет... Вот вылезем, я ей скажу: „Что же ты, гусей пасешь, а плавать не умеешь...” Ну я же не купался – я человека спасал... Есть разница? Я ее спас, попрошу, пусть мне слово волшебное скажет... Да ведь это во сне...»

– А ну пусти! Пусти меня, здесь уже мелко! Чего вцепился!

Андрейка опешил. Это он вцепился?!

– Я тебе, между прочим, жизнь спас... – растерянно сказал он.

Воды было уже по колено, берег – в двух шагах. Леська сделала эти два шага и посмотрела на Андрейку, смешливо растянула пухлые губы.

– Ох уж спас! – усмехнулась она, отжимая платье. – Будто я плавать не умею!

– Да-а-а уж, умеешь ты! – насмешливо протянул Андрей-

ка. – Видел я, как ты плаваешь, прямо чемпионка!

– Ну до тебя, до чемпиона, мне, допустим, далеко, хоть прямо, хоть криво, а выплыть – выплыла бы.

– Ну и выплывала бы! – рассердился Андрейка. (Он! Из-за нее! А она!..) – Чего тогда голосила?

Леся посмотрела на него долгим взглядом, откинула назад голову (волосы – мокрые сосульки) и сказала серьезно и неторопливо:

– А я поглядеть хотела, будешь ты меня спасать или нет. Я специально прыгнула с мостка.

Андрейка чуть в воду не сел. Ну и дела! Он медленно выбрался на берег. Снял и выжал футболку, грустно посмотрел на капающую с шорт воду.

– Ты, выходит, проверить меня хотела? – спросил он, глядя на нее в упор.

Леся вроде бы чуть-чуть смутилась, пожала плечами и зашвистела:

– Фьють! Фьють!

Побежала на мосток, забила прутом по воде, сгоняя гусей к берегу.

Андрейка, заставляя себя не торопиться, набрал в ведро песок, вымыл руки. Гуси стали выходить на берег, отряхиваться. На мальчишку с ведром они внимания не обращали.

Он опасливо их разглядывал. Сейчас они не казались ему такими уж страшными. Птицы как птицы. Вроде кур или петуха.

Подбежала Леся, стрельнула озорными глазами с мокрыми ресницами, улыбнулась:

– Вроде бы все в сборе... Айда домой! – и по-дружески сказала Андрейке: – Ты их не бойся, я их в строгости держу.

Обратно шли рядом. Разговаривали.

– Ты из города небось приехал?

– Небось, – улыбнулся Андрейка, и спросил, вспоминая сегодняшний сон: – И как ты только с ними управляешься?

– С гусями-то?

– Говорят, что ты слово волшебное знаешь для всех животных.

– Кто же это говорит? – усмехнулась Леся.

– Ну... ну, тетя Таня сказала.

– А-а... – невнятно протянула Леся и замолчала.

«Не хочет говорить», – понял Андрейка и не удержался:

– А правда, что ты быка Микуловского оседлала?

– Правда, – улыбнулась Леся, потрянула головой, и высохшие волосы описали золотой полукруг. – А правда, что в городе все не в свои дела лезут и дурацкие вопросы задают?

Она ускорила шаг, оставив растерявшегося Андрейку посреди улицы.

Мама и тетя Таня приехали, когда солнце село за прудом, облака потемнели, тени залегли в каждой складке улицы. Андрейка и Наташа успели убрать двор, прополоть две грядки, накормить кур и поросят, поужинать и окончательно пору-

гаться. До чего же противные становятся девчонки, если их вдруг оставляют за старшего! То придралась к Андрейке, что он долго за песком ходил, то сени плохо вымел, то курам не столько насыпал, то не ту траву рвет да не туда складывает.

– Как ты меня достала! – не выдержал Андрейка.

Но потом приехала мама, и сразу все стало хорошо.

Уже поздно-поздно вечером, когда Андрейка, прильнув головой к маминому плечу, начинал засыпать, пришла Леся. Она принарядилась, надела белое платьишко в синий горох и даже белые легкие сандалии.

– Здравствуйте, тетя Таня!

– Здравствуй, Лесенька. Ты к Наташе?

– Нет... Я к мальчику.

– А-а! К Андрейке?

– Да, к Андрейке.

Тетя Таня хотела было уже пойти позвать его, но Леся ее остановила:

– Вы не зовите, не надо, поздно уже. Вот, передайте, ладно?

Она что-то сунула тете Тане в руку и побежала прочь, звонко щелкая подошвами по деревянному тротуару.

Но ничего этого не слышал уставший Андрейка: он крепко спал, положив голову на мамины колени.

– Вот, Леся Босоногая принесла, – сказала тетя Таня, подавая Андрейкиной маме круглую деревяшку. – Просила

твоему передать.

– «За спасение утопающей», – прочитала мама выжженные по кругу слова. – Ничего не понимаю!

Утром учинили Андрейке допрос. Что за спасение? Кто тонул? Когда он с Лесей познакомился?

– Что вообще все это значит?! – Мама положила перед Андрейкой Лесину медаль. – Ты можешь мне объяснить, Андрей?

– Ну-у-у... – замялся Андрейка, разглядывая медаль. – Я вчера за песком пошел. Для кактусов. – Он поднял глаза на маму и тетю Таню.

– Ну?

– А там эта Леся. С гусями. Вот.

– Дальше, – потребовала мама.

– Она в воду упала.

– И ты полез ее спасать?

– Ну мама! – вспыхнул Андрейка. – Я же хорошо плаваю, ты сама говорила. Что же мне, стоять и смотреть, как человек тонет?!

– Тем более такая симпатичная девочка, – улыбнулась тетя Таня.

– Кто симпатичная? Леська?! – вытаращила глаза Наташка и фыркнула, как кошка Дашка.

– Тебя не спрашивают, – осадила ее тетя Таня. – Что-то Леся совсем – на ставке гусей своих купает!

– На каком же ставке! – мстительно засмеялась Наташка. – На ставке песка нет. Я его на пруд посылала.

– Ты посылала! Я и без тебя знаю, куда идти надо, – возмутился Андрейка.

– Куда?! – Глаза у мамы стали ужасающе большими и круглыми.

– На пруд... – промямлил Андрейка, слабя.

– Та-ак... – нехорошо протянула мама. – Кто-то мне слово давал, что без меня на пруд ни ногой?

– Ну мама! Я же за песком!

– И искупался заодно.

– Со дна, что ли, песок доставал? – влезла Наташка-ехидна.

– Да не купался я! Я человека спасал!

Андрейка чуть не заплакал. Что за жизнь? Попробуй докажи теперь что-нибудь трем рассерженным женщинам!

– Это Босоногую, что ли? – усмехнулась тетя Таня. – Чего ее спасать – она лучше всех в деревне плавает! Любого парня обгоняет и на скорости, и на дальность.

– У нее жабры вместо легких, – убежденно сказала Наташка.

– Дура! – огрызнулся Андрейка и выбежал из дома.

Но за воротами остановился: куда теперь идти? Будь неладна эта Леська со всеми своими гусями! Теперь она еще и лучшая пловчиха!

«Побью! – зло подумал Андрейка. – Думает, если гусей и

быков не боится, плавает лучше всех, то все можно, да? Медаль притащила специально, чтобы посмеяться! Побью ее, пусть не задается!»

Андрейка уверенно шел по дороге. Вчера он тайком провёл Лесю с гусями до дома и узнал, где она живет. Большой дом с зеленой крышей и ветряком, похожим на штурвал. Сейчас он постучит в ворота, и пусть хоть сто гусей на него выскочат, хоть тысяча! Он им задаст, он им покажет, вместе с их пастушкой!

Но у калитки Андрейка остановился в нерешительности. Все-таки он был мальчиком, а она – девочка. Бить девочек нельзя ни при каких обстоятельствах. Он пошел вдоль редкого забора. Ух, если бы Леська была мальчишкой! Он бы тут же вызвал ее на дуэль: поводов достаточно.

Андрейка очень злился и не сразу заметил, что по другую сторону забора кто-то идет рядом с ним.

– Андрейка! – позвали его.

Он сердито стрельнул глазами. На него виновато смотрела Леська Босоногая.

– Чего тебе? – крикнул Андрейка.

Леська подошла вплотную. Приблизились ее глаза с темными ресницами. Вблизи они показались еще зеленее, и внутри каждого плавало темное солнышко зрачка.

– Не сердись на меня, пожалуйста, – попросила Леська.

У Андрейки даже щекотно в горле стало, будто перекатылся там пушистый шарик.

– За что это я сердиться должен? – угрюмо спросил Андрейка.

– Ну-у-у... – Леся потупила взор, сколупнула ногтем кусочек краски на заборе. – Тебе попало, наверное, за то, что ты меня спасал. – В глазах ее мелькнули смешинки и погасли.

– С чего ты взяла?

– А ты весь такой сердитый, такой решительный... – улыбнулась Леся. – Я тебя в окошко увидела. Думала, ты драться идешь.

– И иду!

– Со мной? – распахнула глаза Леся.

И Андрейка вдруг представил, как у Леси, увидевшей его в окно, дрогнуло сердце и как она, маленькая и притихшая, затаясь где-нибудь в сумеречных сенях, ждала его стука в калитку. Вот сейчас, совсем скоро, через секунду...

И Андрейка сказал, сдаваясь:

– Да нет, шучу я... А ты почему гусей не пасешь?

– А! – махнула Леся рукой, и Андрейка почувствовал, что она вздохнула облегченно. – Сегодня бабушкин день. У меня два выходных в неделю. Полезай сюда, я тебе свой чердак покажу, – предложила она и отодвинула доску в заборе.

«Какая она странная... – подумал Андрейка. – То насмешливая, то такая... будто подружиться хочет. Вот Наташка если вредина, то вредина постоянно, а эта... и не знаешь, чего от нее ждать. Заманит сейчас в какую-нибудь ловуш-

ку...» – и полез в лазейку.

– Осторожно, тут крапива! Никак избавиться от нее не можем. Не уколись, это боярышник, – ведя гостя по огороду, говорила Леся. – Вот еще репейник вылез... Ой, ты на бабушкины розы наступишь!

– Какое у вас все колючее! – поёжился Андрейка.

Леся засмеялась:

– А я сама с колючками! Как репей. Вот пристану к тебе – не отвяжешься!

– Ну и пожалуйста, – почему-то смутился Андрейка и стал смотреть под ноги.

На чердаке у Леси было замечательно! Лежала охапка пахучего сена, стояли в рядок четыре старых стула с поломанными спинками, в углу была свалена ненужная утварь, лежали книги в коробке...

Они уселись на сено. Леся сказала строго:

– Только не шуметь! Бабушка вернется, услышит – рассердится! Она не любит, когда я здесь.

– Ага... – почти шепотом ответил Андрейка и спросил: – А имя у тебя откуда такое интересное?

– Ох уж! На самом деле меня Александрой зовут, Сашкой. А бабушка сердится: «Что за имя. Как у парня!» И шутейно звала меня Ляксандрой, Лясей. Потом уже в Лесю переделали...

– Красиво получилось.

– Мне тоже нравится... Андрейка, ты, правда, не обижайся за вчерашнее.

– Да ладно, чего там...

Косой солнечный луч проникал через чердачное окно и освещал Леськины круглые коленки, руки, острый подбородок и кончики волос.

– Зачем ты волосы так коротко стрижешь? – спросил Андрейка.

– О, длинные мне красоты все равно не прибавят! – мрачно усмехнулась Леся.

– Тебе и не надо, – бухнул Андрейка и, перехватив Лесин взгляд, поспешно добавил: – Ты и так красивая. – И ощутил одновременно где-то под сердцем и под коленками острый холодок.

– Ох уж! Это кто же так считает?

– Ну... ну, тетя Таня сказала, что ты симпатичная девочка.

– Ее-то Наташка всяко посимпатичнее.

Андрейка не нашелся что ответить, хотя чувствовал, что Леся ждет от него чего-то, а что ответить? Что вообще в таких случаях говорят?! А Леся смотрела на Андрейку внимательно, будто изучая его. Ему даже неловко стало. Какая-то теплая мучающая волна стала подниматься у него внутри. И было непонятно, жутко и весело, как от близкого приключения.

– А еще что тебе про меня наболтали? – спросила она на-

конец.

– Да ничего... Про быка Микуловского только.

– А-а-а... Ну ладно. Знаешь, в деревне про меня всякое услышать можно, ты не верь ничему.

– А что всякое-то?

– Ну-у... – недовольно поморщилась Леся. – Говорят, что я странная. Пусть! Мне-то что? А ты... ты как наш дом нашел?

Густая краска растеклась по Андрейкиному лицу. Даже под дулом пистолета он не признался бы сейчас, что следил вчера за Лесей. А мучительно-горячая и нежная волна не отступала и Леся смотрела так пристально, выжидательно, что Андрейке захотелось быть самым остроумным, самым красивым, веселым, мужественным... Чтобы Леся обязательно улыбнулась и подумала: «До чего славный этот Андрейка!» И он сказал очень серьезно:

– А я выхожу из дома, смотрю – Микуловский бык идет. Я у него и спрашиваю: «Уважаемый бык, не подскажете ли, где Леся живет, которая вас по весне оседлала?» А он мне в ответ: «Как же, как же, мы с ней большие друзья-приятели. Она мне очень нравится! Вон ее дом». И рогом машет, твой дом показывает.

Леся звонко рассмеялась, как и хотелось Андрейке.

– Вот правду Наташка говорила, что ты с любой живностью поладишь!

Да что она, в самом деле?! Опять издеваться? И, давась

признанием, Андрейка пробормотал:

– Ага, с любой... А гусей испугался.

Он ждал, что Леся, бесстрашная гусятница с прекрасными зелеными глазами, поднимет его на смех и скажет: «Ну нет, с трусом я дружить не стану!»

Но она сказала просто:

– Ну и что? Я сама их долго боялась. А меня бабушка научила. Надо говорить: «Режу-режу-перережу», быстро-быстро говорить, без остановки, и пальцы ножницами делать. Вот так. – Она показала как. – И тогда они не тронут.

И, доверчиво придвинувшись к Андрейке, Леся тихонько призналась:

– Я до сих пор иногда так делаю. Только ты не говори никому на свете, ладно? Я только тебе, по секрету...

Тай

Его звали Тай.

Никто не знал, откуда он взялся у нас во дворе. Просто однажды появился у подъезда – рыжий лохматый беспризорный пес с висячими ушами и темно-кариими глазами.

Когда он хотел есть, то начинал лаять, будто выговаривая слова, и проделывал нехитрые собачьи трюки: подавал лапу, садился, кувыркался. Так он зарабатывал свой хлеб. С рук Тай никогда не ел и не вырывал угощение, как некоторые бездомные, – он брал еду осторожно, бережно.

Однажды я услышала, как соседка тетя Шура сказала своему маленькому внуку:

– Поучись-ка у Тая – он знает цену хлебу...

В благодарность за обед Тай дружелюбно помахивал хвостом или, широко расставив мохнатые лапы, тихонько хватался за край одежды и тянул к себе, а притянув, утыкался мокрым носом в колени. В подъезд Тай заходил только по-

сле третьего приглашения и при этом склонял голову набок, будто спрашивая: «Вы действительно не против, если я зайду погреться? Я правда вам не помешаю?»

Тай был самой чудесной собакой на свете! И он хотел быть свободным. Несколько раз его брали в дом – он сбегал. Его мыли, причесывали, кормили, но уже через два дня он снова возвращался к нашему подъезду.

Мне тогда казалось, что, может быть, он согласился бы жить у меня, но у мамы была аллергия на животных, и я не могла взять Тая к себе.

Мы с Таем дружили, потому что любили смотреть на закат.

Мне было тогда тринадцать лет, и я жила в многоэтажке в центре города, в клетке многоквартирного муравейника. В нашем доме только и было хорошего, что крыша. Взяв старый папин фонарик, мы с Таем поднимались на четырнадцатый этаж пешком (лифты Тай не любил) и останавливались перед лестницей на крышу. Не знаю, кто и когда научил Тая взбираться по таким лестницам, но делал он это очень ловко.

Крыша. Рыжая от близкого заката. И все вокруг (и вверху, и внизу) рыжее: город, другие дома-муравейники с сотнями глаз-окон и перьями антенн, облака и мы с Таем, присевшие у самого края крыши. Вернее, я присевшая, а Тай обычно растягивался рядом, положив голову на лапы. Закат приходил медленно. Сгущались краски, стихали голоса зем-

ли, и становились громче разговоры ветра и неба. Опускался занавес дня, переливая из крынки в крынку все оттенки солнца: от багряного, красного, лилового до нежно-розового и золотого.

Тай смотрел не отрываясь. Однажды я взяла с собой на крышу бутерброды и предложила их Таю. Он посмотрел на меня так, будто я включила дождь и закатный день испорчен. А говорят, собаки цветов не различают...

Потом приходили сумерки. Все темнее становилась земля, а луна, бледная в закатные часы, – все ярче. Зажигались окна, похожие теперь на блестящие дыры, начиналась вечерняя песня мам:

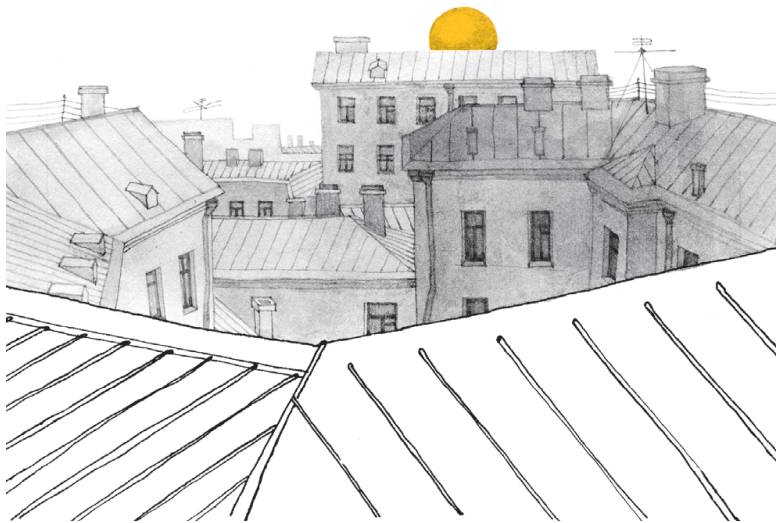
– Вася! Домой!

– Аня, Аня, пора спать, сколько можно звать!

– Генка-паразит, марш домой, пока не прибила!

И звуки гитары, и смех, и карты на скамейке...

Я гладила лобастую Таеву голову. Иногда, сидя на крыше, мы с Таем мечтали, как будем жить, когда все совсем будет хорошо. Я говорила, а Тай слушал и, наверное, был не против, чтобы именно так все и было.

Тем летом папа повез меня к морю. Там было здорово, что и говорить. Можно было целыми днями валяться на пляже и ни о чем не думать, можно было дурачиться с папой, гулять с ним по берегу, говорить обо всем и знать, что он никуда не торопится.

А какие там были закаты! Таких с нашей крыши никогда и не увидишь! И я все думала: приеду – расскажу Тая, как над морем заходит солнце. И мы с ним помечтаем, что когда-нибудь папа снова поедет со мной на море и разрешит взять с собой Тая...

Но когда я вернулась домой, то не встретила Тая во дворе. Соседки рассказали мне, что его поймали какие-то маль-

чишки, связали лапы, пасть, тыкали ему в глаза горящим факелом и шерсть подпалили. Кто-то увидел и разогнал их, но Тай ослеп и больше во дворе не появлялся. Не видели его и в соседних дворах и кварталах.

Я больше не ходила на крышу. Остаток лета прошел, как бесконечный дождливый день. Но однажды я решила все-таки подняться туда. Что-то совсем тоскливо мне было в этот вечер... Правда, закат давно погас, были густые сумерки, почти ночь. Я взяла фонарь и куртку, вышла из квартиры. И в колени мне тут же уткнулся сухой горячий нос. Тай...

Поднимались мы теперь медленно, и Тай виновато мотал хвостом, извиняясь, что не может быстрее. И по чердачной лестнице он теперь не мог подняться. Пришлось его затаскивать. Луна была уже высоко, светила ярко. А кругом – сплошная ночь.

На глазах у Тая – мутная беловатая пленка, и даже не подумаешь ничего, пока не увидишь, как он сослепу неуверенно ходит. Таю хотелось заката. Я положила руку на его лобастую голову, плакала, сцепив зубы. И почти спокойный голосом рассказывала, какой красивый над морем закат. Почти такой же, как сейчас над домами. Только чуть-чуть поярче.

Алька

Алька маленькая, а блестящий черный рояль на сцене очень большой. Поэтому Алька может спать на нем, положив под рыжеволосую кудрявую голову свернутый наподобие подушки нижний край бархатного занавеса. Занавес пыльный, но Алька привыкла так спать, потому что Алькина мама – режиссер, она руководит самодеятельным театром во Дворце культуры и у нее часто горят спектакли. Алька не понимает, как спектакль может гореть (он спички, что ли?), но она знает, что, когда горят спектакли, начинаются ночные репетиции.

Алька маленькая, это верно, но она не хнычет и не про-

сится домой. Вовсе не потому, что ее не с кем оставить. У нее есть верная собака Джемка и старшая сестра Наташа, которая уже ходит в школу. С Джемкой можно забраться под стол и играть в пещеру, а с Наташей сесть у окна и смотреть, как на самом высоком доме в городе бегут друг за дружкой буквы. Это называется «бегущая строка». Наташа показывает Альке, где какая буква, и учит ее читать. Наташа всегда чему-нибудь ее учит, потому что она старшая и ходит в школу. Но Алька ей не завидует: она уже знает, что там ничего хорошего нет, ведь Наташа часто играет с ней в школу. Вот уже два года, как она ни во что другое играть не хочет, будто все другие игры забыла...

Но без мамы дома все равно скучно, особенно когда надо ложиться спать. Наташка убежала на каток, а Алька пошла с мамой на репетицию. Во дворце всегда интересно, даже если мама занята.

Можно устроиться рядом с ней на соседнем кресле и смотреть, что происходит на сцене. Альке смешно, что у всех ее знакомых артистов другие имена и ведут они себя не так, как в жизни. Это называется спектакль. А у мамы – волшебные ладоши. Она в них хлопает – и спектакль останавливается. Даже если там происходит что-нибудь страшное, даже если дерутся на шпагах (хотя на драку это не похоже, а Владик с Шуриком будто танцуют, и синяков никаких нет), ссорятся или даже целуются, все-все замирают и смотрят на Алькину маму. Потому что мама все знает: как драться, как ссориться

и как целоваться, где надо сесть, когда встать и из-за какой кулисы выходить.

Артисты у мамы разные, есть очень даже старше мамы, совсем седые и с морщинками, как Алькина бабушка. Все называют их Иван Михайлович, Юрий Максимович, Анна Трофимовна, но и они все до одного слушают, что говорит Алькина мама.

Репетиция тянется долго, и Альке надоедает сидеть на одном месте.

– Далеко не ходи, – не отрывая глаз от сцены, говорит мама Альке.

Алька далеко и не пойдет. Все, что во дворце, это ведь недалеко, а из дворца она не выйдет. За стенами зима. Одеваться самой трудно, шуба тяжелая. И хотя Алька очень-очень любит бегать по морозу раздетая и чувствовать, как колючие лапы щиплют за руки, за ноги, за нос и как холодеет живот, она решает не расстраивать маму. Мама всегда очень переживает, если увидит, что Алька бежит без шубы, думает, что Алька простынет, но она не простынет больше никогда. В парке весело: уже построили горку, и елку поставили, всюду огни, музыка... А на катке Наташка, она увидит Альку без шубы и пожалуется маме. Нет, не пойдет Алька в парк, лучше по дворцу побродит. Во дворце все свои, потому что все Альку знают.

Дворец очень красивый. Всюду колонны, картины, лепные потолки, широкие лестницы, а перила у лестниц такие, что

можно сесть верхом и скатиться. Еще растут пальмы в кадках, и везде зеркала от пола до потолка. В таких зеркалах помещается вся Алька, холл и кусочек лестницы. А сколько во дворце закутков и коридоров! И Алька все их знает. Еще бы! Первый раз мама взяла ее с собой на работу, когда Альке было всего два месяца. Мама поставила ее коляску за кулисами, а сама вела репетиции. Если вдруг Алька просыпалась и плакала, мама объявляла перерыв и шла кормить Альку, а потом снова репетировала. Но Алька не думает, что так уж часто она плакала.

Дворец у них большой, и кружков здесь много. Алька долго смотрит в замочную скважину в двери изостудии: нет ли противного долговязого мальчишки, который ее все время дразнит? Мальчишки нет, и Алька приоткрывает дверь. Ребята здесь все большие, руководит ими художница из маминго театра. Утром в театре она придумывает костюмы и декорации к спектаклю, а вечером ведет этот кружок. Алька с ней дружит. Один раз Таня даже дала ей раскрасить буквы на большой афише.

Таня Альке кивает: заходи, мол. Алька протискивается в дверь, усаживается у окна рядом с батареей. Таня дает ей бумагу и краски с кисточками. Здесь не то что в детском саду: красок много и кисточки разные-разные, а еще есть палитры и мольберты. Рисует Алька увлеченно, высунув кончик языка.

– Забавная! – шепчет одна девочка за мольбертом другой

и делает карандашный набросок на краю листа, очень похожий на Альку.

Альке хочется нарисовать красивую даму в шляпе, с цветами, сидящую на качелях, но у нее не получается. Она расстраивается и уходит. Не все умеют рисовать. Ну и что! Будто обязательно всем уметь!

Лучше пойти к эстрадникам: там так интересно! Пол обтянут зеленой ворсистой тканью, будто по траве ходишь, на полках пластинки стоят, их столько, сколько даже в театре нет. На стенах фотографии и афиши: где и когда выступал эстрадный оркестр. Алькин папа тоже есть на этих фотографиях. Алька долго на него смотрит, потом подходит к инструментам. Инструментов много, но больше всего разных труб. Они тяжелые и блестят. Альке нравится гладить их отполированные бока и смотреть на свое смешное отражение: лицо растягивается и перекашивается.

Репетиция в оркестре уже закончилась, но никто не расходится, сидят, разговаривают, курят. Альку отсюда никто не гонит, потому что ее папа самый главный в оркестре ведущий – он все их концерты ведет. Только он сейчас в командировке. Папа часто ездит по командировкам в разные города и всегда что-нибудь привозит вкусненькое. Конфеты, например. Папа знает толк в конфетах – он, наверное, их столько перепробовал – и привозит всегда самые вкусные. И игрушки привозит. В прошлый раз привез желтую обезьянку, которая умеет кувиркаться, если ее завести.

– Что, Алька, скоро папка приедет? – спрашивает ее дядя Веня. Он трубач и папин друг.

– Скоро, – уверенно заявляет Алька, хотя мама сказала, что через неделю. – Может, даже завтра.

Алька смутно представляет, сколько это – неделя. И почему бы неделе не кончиться завтра? Ведь завтра – это так близко и понятно: уснуть, проснуться – вот и завтра!

Еще открыты комната цирка и танцкласс, но Алька не идет туда: там все такие задаваки! Она спускается по широкой лестнице, придерживая пальцами подол платья, – она та самая дама в шляпе. Очень красивая! Она младшая дочь одного короля, все младшие дочери – самые главные в любой сказке. В детском саду они с девочками часто играют. Придумывают сказку и играют в нее. Кто придумал сказку, тот – старшая принцесса, старшей тоже быть хорошо: все слушаются. Младшей бывают все по очереди. А мальчишки у них всегда разбойники. Кем же им еще быть! Алька часто придумывает сказку, поэтому младшей принцессой, в которую все всегда влюбляются, она бывает очень редко. Но ведь когда одна играешь, можно быть кем хочешь...

В фойе Алька забирается под бильярдный стол. Красная бархатная скатерть спускается до пола, и кажется, что ты в домике. Нет, в пещере. Принцессу в шляпе похитили разбойники и посадили в пещеру. Туда проникает музыка и смех – это с катка. Алька выбирается из-под стола и смотрит в окно. На улице темно, но прожектор освещает весь каток. Здрóрово иметь коньки! Алька просит-просит ей купить, но мама все время ей говорит, что она еще маленькая. А недавно сказала, что денег нет. Вот так всегда: стоит вырасти, так сразу деньги кончаются! А Наташкины коньки Альке велики даже с тремя шерстяными носками.

Алька начинает кружиться под музыку. Хорошо бы стать балериной и так кружиться, кружиться...

– Аля, вот ты где!

Это Оля, мамина артистка. Она протянула Альке руку.

– Пойдем чай пить. У нас перерыв.

– Пойдем, – соглашается Алька.

Когда проходили мимо лестницы, Алька зажмурилась, чтобы не смотреть вниз. Там внизу, в темноте (даже днем там темно!), живет Огневушка-Поскакушка. Она пляшет, поднимаясь по воздуху, машет платком и сердито усмехается, глядя на Альку. Она злая. Алька ее боится. И если не успеет зажмуриться и увидит Огневушку, то ночью потом заснуть не может. Это только в сказке она добрая, а на самом деле... Алька даже думать про нее боится и мимо этой лестницы старается не ходить. Но ведь сейчас она с Олей. Взрослые всегда ходят там, где им хочется, и не боятся.

Самое лучшее в репетициях – это перерыв. Есть перерывы маленькие, они называются «перекур» – это неинтересно. Все стоят курят в коридорчике у сцены, где написано: «Не курить!» (Зачем написали? Все же здесь курят!) А большой перерыв – это то, что надо, настоящее чаепитие. Только бывает редко, когда «спектакли горят» и репетиции затягиваются за полночь. Артисты в такие дни приносят с собой разные вкусные вещи: варенье в маленьких баночках, печенье, оладушки. Варя всегда ватрушки приносит, а Алькина мама печет пирог с капустой. В большой перерыв ставят чайник в буфетной, накрывают стол. Когда Алька не занята, она помогает: кружки расставляет, за чайником следит...

Разговор за столом всегда веселый. Иногда Альке кажется, что артисты дразнятся, но все смеются, и она тоже смеется – только оттого, что другим смешно. Над Алькой тоже иногда смеются, особенно Владик. Всегда говорит что-ни-

будь обидное. Алька обижается на него и на остальных, что они хохочут над ней, она уходит из-за стола, хоть Владик и кричит вслед:

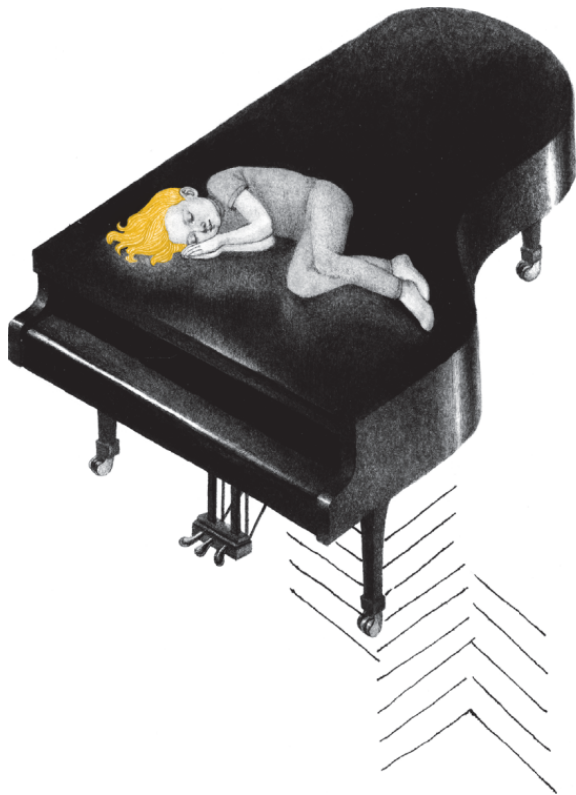
– Это шутка, Аленький!

«Очень нужны ваши дурацкие шутки!» – обижается Алька. Вот у папы шутки так шутки! От них Альке всегда смешно. А это разве шутки, если плакать хочется?

Алька прячется в уголок, где висят костюмы, и дуется на весь белый свет. Обиднее всего, что там весело сейчас без нее и все едят капустный пирог, который, между прочим, ее мама испекла! Альке хочется выйти из своего укрытия и вернуться за стол как ни в чем не бывало, будто она и не обижалась вовсе, но что-то мешает ей. Это *что-то* (Алька и сама не понимает что) прилепило ее к месту и сдвинуться не дает, хотя уже, честное слово, очень хочется к столу, съесть капустного пирога, и даже на Владика она больше не сердится! Но Алька сидит и сидит, и ей уже кажется, что целый час прошел.

Наконец Владик приходит мириться. Но все то же *что-то* мешает Альке с ним заговорить, она молчит, разглядывает то свои ноги в валенках, то Владиковы в кедах. Но потом Владик обязательно что-нибудь смешное скажет, и Алька засмеется. Тут уж он хватает ее на руки, подбрасывает к потолку несколько раз, Алька хохочет на весь театр, да так, что у нее бока начинают болеть. И дальше все совсем хорошо: и чай, и капустный пирог, и довольная Владиком Варя.

Самый большой недостаток у перерыва в том, что он заканчивается. Начинается репетиция, и всем опять не до Альки. Она слоняется за кулисами, а потом незаметно пробирается в «карман», хотя ходить туда ей строго-настрого запрещено. «Карман» – это такое место, где хранятся декорации. Смешное название – «карман», будто сцена – это пальто с карманами. Очень высокий потолок в кармане. Почти как небо. Алька запрокидывает голову, смотрит вверх. Какой же великан красил этот потолок? Осторожно Алька идет между нагроможденными декорациями, ей хочется выбраться на балкончик с узорной решеткой. С балкончика видно реку и поезда. Но балконные двери закрыты на замок и перегорожены деревянным сундуком. Это сундук из маминого спектакля про Золушку. Алька забирается на него и смотрит в щелочку между дверьми. Ни поездов, ни реки не видно. Зато Алька видит фонарь и то, как падает крупный снег. Она долго смотрит на фонарь и на снег, потом замерзает. А артисты всё что-то говорят на сцене, мама то и дело их останавливает, и все повторяется и повторяется сначала. Горит, горит спектакль...

Уставшая, полусонная Алька взбирается на рояль за кулисами, поднимает и комкает подушкой нижний край занавеса, сворачивается калачиком и медленно засыпает под голоса на сцене и мамины хлопки.

– Смотри, какая красота! – сказал Владик Варя. – Рыжие кудряшки на черном рояле.

– В свете прожектора, – добавила Варя.

– На фоне алого занавеса. Ах, Варенька, почему я не художник? Какая вышла бы картина!

– Каждый человек художник, – строго сказала Варя. – Вот хоть у Альки спроси, уж она-то знает!

Но Алька спит и не слышит. Ей снится залитый светом каток, и медные трубы, и дама в шляпе, и дворник Алексей Петрович, и поезд, в котором скоро приедет папа. Поезд поет веселую песенку: тук-тук, тук-тук, тук-тук... И в такт этой песне стучит Алькино сердце, и стук его еле слышно отдается в огромном рояле.

Летательные конфеты

Сегодня утром, часов в семь, ко мне заглянул Лось. Прямо в окно заглянул, отодвинув занавеску. И говорит:

– Уважаемая, там у вашей калитки явно что-то затевается.

А потом еще и листик герани сорвал и давай жевать. Герань от такого нахальства с подоконника прыгнула и под стол спряталась.

Я дала Лосю сахару, а сама думаю: «Ну что они опять могут затевать? Вроде бы все уже было: подлодку строили, с парашютом прыгали, на охоту ходили, лягушек дрессировали, шпионов ловили, вигвам мастерили... Даже вспомнить всего не могу. Пойду лучше кусок хлеба с маслом съем!»

Съела. Не помогло. Лось задумчиво жевал жимолость с куста.

А они затевают. Вот стоят перед калиткой и явно так – за-

тевают. И ведь знаю, что бесполезно сейчас встречать, – все равно сделают, что затеяли. Надо, пожалуй, спрятать мечи и сабли, а то рыцарями они еще не были. И шпаги с мушкетами, наверное, тоже лучше убрать.

Перед завтраком я решила выйти на крылечко. Лось уже добрался до простыней, которые сохли во дворе, и меланхолично их пережевывал. На крыльце сидела Жужка. Грустная.

– Чего ты, – говорю ей, – сидишь? Не затеваешь ничего?

– Дураки они, – проворчала Жужка.

Грустно-грустно проворчала. Вообще-то Жужка так грустно ворчать не умеет. Я сразу подумала: «А не задумали ли они игру в превращения друг друга в друг друга, и это вовсе не Жужка, а, например, Тит?»

– Не берут, – объяснила Жужка.

– Не имеют права. По правилам затевать надо всем вместе.

– Они правила поменяли.

Похоже, Жужка сейчас заревет. Не может быть. Жужка реветь не умеет – не так устроена.

– Правила изменили, правила! – заверещала с перил тощая и противная сиамская кошка. (Вот когда они ее успели затеять? А я даже не заметила!)

Я, конечно, все понимаю, но правила менять! Это вообще что такое творится!

– Пойдем, Жужка, конфет поедим.

– Пойдемте.

И мы пошли есть конфеты. Шоколадные.

– Мы летать затеяли.

Вот здорово! Только этого мне не хватало!

– И сделайте, Мари-Иванна, нам внизу поля подходящие, и чтобы реки, и леса...

– Чтобы красиво...

– А я хочу выше самолета...

– И сончас сегодня отменяется.

– Ну конечно! Ни за что! – возмутилась я. – Сончас – это святое! Я не разрешаю!

– Ну Мари-Иванна...

– Ну любимая-милая-хорошая-самая-лучшая Мари-Иванна...

Ох, говорила же мне мама: «Маша, не ходи в воспитатели, найди себе спокойную работу, бухгалтером или пожарным...»

– Ладно, только что это за изменение правил? Почему Жужку не взяли затевать?

– А чего она...

– Да ну ее...

– Она боится...

– Летать боится? – удивляюсь я. – Жужка!

Жужка вышла на крылечко. Смотрит в пол. Косичка торчит на затылке. Эх, Жужка, Жужка, нельзя тебе бояться летать, не положено.

– Она больше не боится. Мы с ней все летательные кон-

феты съели.

Жужка вскинула на меня глаза.

– Летательные? А вы тоже теперь полетите?

– А то! Конечно! Я же целых пять штук съела!

– А поля внизу? – спросил Дик. – Будут?

– Лоскутное одеяло подойдет?

И вместо сончасы мы сегодня летали. И я летала тоже. Говорила мне мама... Но я не послушалась. Пролетая над нашим садом, я увидела, как Лось доедает панамку Лиды. Придется ночью шить новую. А что делать, если ты воспитатель в детском саду маленьких волшебников? Буду шить. И достану, пожалуй, мушкетеры.

Мой дедушка – Дед Мороз

Моего дедушку зовут Демьян Макарыч. Он работает Дедом Морозом. Каждое утро он выпивает крепкого чаю со льдом и идет на работу. Летом он еще бреется. Он вообще любит бриться. Весной и летом просто не дожدهшься, когда он из ванной выйдет! Жужжит его электробритва, а он ей подпевает:

– Красота... пум-пум-пум... борода... тум-тум-тум...

Но с осени он бороду начинает отращивать. И сразу у него настроение портится. Он говорит, что подбородок колется и чешется, а в бороде застревают крошки и ему это неприятно. А что поделаешь, если Деда Мороза все с бородой представляют? Приходится терпеть.

Я ему говорю:

– А ты найди себе другую работу!

А он:

– Кто ж меня, пенсионера, возьмет?

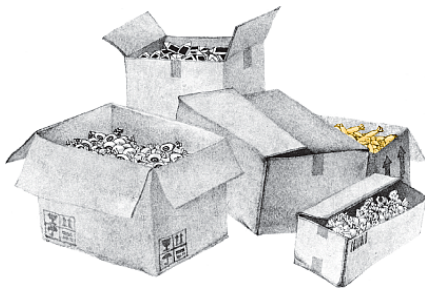
– А ты сторожем. Вот нам в школу сторож нужен!

– Так сторожу в школе ночевать надо, а ты темноты боишься. С кем же ты будешь?

Это правда, мне, кроме деда, быть не с кем. Родители мои давным-давно в Африку уехали – спасти африканских детей от разных эпидемий. Раз в полгода они присылают посылку с африканскими масками. Нам их уже вешать некуда. Дедушка их в магазин сувениров сдает.

На работе дедушка снимает пиджак, надевает красный халат и начинает работать. Я иногда хожу с ним, помогаю. Дед достает с полок большие коробки и много разных мешочков, ящичков, сундучков... В больших коробках лежат конфеты. Разные: шоколадные, с вафлями, карамельки, мармелад, один раз даже лакричные палочки прислали. Они лежат в нарядных фантиках и так переливаются и блестят, что издалека кажутся настоящим пиратским сокровищем. Мы с дедушкой раскладываем конфеты по мешочкам, ящичкам и сундучкам. Еще игрушки кладем, мандарины и яблоки. Руки потом Новым годом пахнут.

Иногда в дверь стучат и кричат дедушке:

– Макарыч! Принимай! – И начинают выгружать коробки с конфетами и игрушками.

Часто мы с дедушкой работаем допоздна. Он ведь сам фантики придумывает для конфет. Говорит, что это его хобби. Иногда прямо по нескольку дней над одной конфетой сидит, придумать не может. Тогда он говорит мне:

– Знаешь, ты иди, внученька, домой, а я еще раз эту конфету попробую – какая-то она непонятная...

Тогда я выхожу на улицу, встаю под дерево, что растет у крыльца, и тяну за ветку. На меня сыплются снежинки, серебряные и золотые, похожие на конфетти, сделанные из дедушкиных фантиков, и немножко на звезды, и я сразу понимаю, каким должен быть фантик для новой конфеты. Я бегу к дедушке и хвастаюсь:

– А я придумала!

Он меня внимательно слушает, а потом говорит:

– Какая же ты у меня, Снегурочка, умница!

И начинает фантик рисовать. Он меня Снегурочкой зовет, потому что сам – Дед Мороз, а я его внучка. А вообще-то меня Машей зовут.

Елочная история

Сегодня особенный день. Сегодня родители достают и собирают елку. В этот день они всегда ссорятся. Елка хорошая, пушистая и очень похожа на настоящую, даже не догадаешься, пока не потрогаешь иголки. Но, собрав ее, мама все равно вздыхает:

– А живая была бы лучше...

Три года назад папа вдруг понял: лесов на земле становится все меньше, а человечество каждый год вырубает тысячи деревьев, чтобы позабавить себя несколько дней.

– Это же специальные елки! Лишние! Их вырубают, чтобы лес лучше рос! – говорила ему мама.

– Вырубленный лес лучше расти не может! – упрямылся папа.

Он решил начать борьбу за сохранение «легких планеты» и в тот же день пошел и купил искусственную елку. Она была очень дорогая. На нее ушла половина папиной зарплаты, и на целый месяц вся семья осталась без мороженого. Это мама тоже ему напоминала каждый раз, когда елку собирала.

– Все равно их срубят – не мы, так другие купят!

– Пусть. Но наша семья в этом участвовать не будет.

С каждым годом мама спорила все меньше, только вздыхала:

– А живая елка пахнет лесом и праздником... Детством...

– Живая елка растет в лесу. А в доме елка – мертвая.

И папа пошел и купил пихтовое масло.

Гошка с папой согласен. Ему нравились, конечно, настоящие елки, их теплые иголки, запах коры... Но праздники заканчивались, и остовы выброшенных елок напоминали скелетики, скукоженные на снегу. Гошка всегда пробежал мимо них побыстрее.

Украшали елку все вместе, даже Никитка и Соня помогали. Папа доставал коробку с хрупкими елочными игрушками, подавал их маме, а она, стоя на стремянке, вешала их на верхние ветки. Гошка украшал серединку, а Соня и Никита – нижние ветки. Мама любила шары. Гошка – собак и колокольчики. А Соня и Никитка вешали все подряд. Поэтому елка получалась трехслойная.

Гошка с первого года, как появилась у них эта елка, заметил, что с ней происходит что-то странное.

В первый год очутились на елке имбирные пряники в золотой бумаге со звездами, такие вкусные, что можно штук сто за раз съесть. А родители клялись, что они не покупали! И главное: съедят Соня с Никитой все до одного, а наутро новые на ветках появляются, будто вырастают!

А на второй Новый год сломалась гирлянда, и папа никак не мог ее починить. Паял, паял, а все без толку. И как назло, из магазинов пропали все гирлянды! Папа совсем отчаялся, а мама сказала:

– Ну, пусть просто так висит...

И повесила ее на елку. И – честное слово! – даже не включила в розетку, Гошка точно видел! А гирлянда все равно загорелась. И мама сказала:

– Вот что значит ласковые женские руки!

И в этом году Гошка тоже ждал чего-нибудь такого, особенного.

Он шел из школы радостный. Последний учебный день все-таки! И сегодня они все вместе пойдут в магазин – покупать елочную игрушку. Каждый свою. Это у них традиция такая. Мама купит шар, Гошка – собаку, а если не найдет, потому что елочные собаки очень редко встречаются, то колокольчик, папа – еще одну гирлянду, а Соня и Никита – какую-нибудь ерунду.

Гошка шел и мечтал. И вдруг встретил *его*. Пес посмотрел на Гошку и опустил, отвернул морду. Гошка присел перед

ним на корточках, погладил, потом подумал, что псу неприятно так – влажной варежкой – снял ее побыстрее и погладил еще раз. Гошка пошел домой, а пес пошел за ним.

Гошка мечтал о собаке. Родители собаку не разрешали. Папа и мама были умные и хорошие, но почему-то именно с собаками вышла загвоздка: не хотели Гошкины родители собаку. Гошка шел домой. Уже не очень радостный. Потому что пес шел за ним. И было холодно. И бросить пса на улице Гошка уже не мог, а ссориться с родителями под Новый год... Ну сами понимаете...

Дома еще никого не было, и Гошка спрятал пса под своей кроватью.

– Сиди, ну, пожалуйста, сиди тихо!

Гошка побежал на кухню за колбасой, которую мама купила для праздничного салата. Мама его просто убьет за колбасу! И отправит покупать новый батон. А он стесняется: колбасы много, попробуй выбрать, он всегда так долго думает, и продавцы нервничают и говорят сердито: «Тебе чего, мальчик?»

А ему колбасы. Самой вкусной. Для самой лучшей собаки на свете. Думаете, Гошка первый раз собаку домой приводит? Нет, это, наверное, пятый. Или даже шестой. Только ему никогда не везло. Обычно или мама, или папа были дома и говорили:

– Ой, какое чудище! Вот, дай ей котлетку в подъезде... Нет, солнышко, ну куда такую образину в квартиру? Нет-нет-

нет, не может быть и речи!

Собаки съедали котлеты на площадке, полдня ждали, а потом уходили. Гошка плакал. А мама и папа говорили правильные слова.

Только сегодня их дома не было! И Гошка с собакой прошли в квартиру! И съели всю колбасу! И пес был совсем не «образина» и не «чудище», он был как с картинки! Рыжий и кудрявый! Только грязный.

К приходу мамы Гошка приготовился. Он вымыл пса, расчесал, подмел пол, помыл посуду, обед подогрел... Но когда раздался звонок, все-таки спрятал пса под кровать. На всякий случай.

– Ой, какой день сегодня хороший, просто прелесть, морозец такой, самый новогодний! Слушай, Гошка, я знаю, что традиция и все такое: мы все вместе ходим за игрушками. Но просто не удержалась, такой шар в витрине увидела... Ты только посмотри!

Мама достала из сумки елочный шар. И правда, необыкновенный! Это был даже не совсем шар, а очень пузатый попугай, ало-золотой, с умными черными глазами.

– Прелесть, правда? – прошептала мама Гошке в ухо. – Я таких никогда не встречала... Будто живой, будто взмахнет сейчас крыльями и полетит...

Мама любила птиц. Но от них дома было мусорно.

– Так! – сказала мама весело. – Последний день старого года! Гошка, ты просто обязан убраться в своей комнате! И

особенно под кроватью, там у тебя такая свалка!

Знала бы мама!

Пришел папа вместе с Соней и Никитой, они, оказывается, тоже уже купили игрушки.

– Гошка, ну сбегай один за своей игрушкой, раз такое дело...

«Странный какой-то день», – подумал Гошка и решил признаться.

– Ага, я сейчас... – пробормотал он и пошел к себе.

Он откинул одеяло на кровати, сказал:

– Вылезай.

Но под кроватью было тихо. Гошка наклонился – пса не было.

– Ой, какая! – воскликнула Соня. – Мама, мама, а Гошка уже купил игрушку, смотри!

В руках Соня сжимала стеклянную елочную собаку, рыжую и кудрявую.

– Ой, какая прелесть! В этом году какие-то необыкновенные игрушки! Вы моего попугая видели? Как живой!

– И моя черепаха живая! – сказал Никита.

– И рыбка моя!

Гошка забрал у Сони свою игрушку, грустно повесил ее на елку. Что он, сумасшедший, что ли? Вон тряпка мокрая, и за колбасу ему еще попадет...

Вечером все сидели за столом.

– Что-то Гошка у нас расстроенный, – прошептала мама

папе.

Папа рассеянно плечами пожал. Он в этом году не купил гирлянду. Почему-то ему показалось, что они на змей похожи, а змей папа боялся.

Начали бить куранты. Пора было дарить подарки и поздравлять друг друга. Но с последним ударом часов с елки вдруг сорвалась Гошкина сегодняшняя елочная собака. Он видел, как она летела на пол, еще секунда – и одни осколки останутся. Рыжие и кудрявые. Гошка зажмурился.

– Бр-р-р! – услышал Гошка папин голос. Будто папа головой мотал, пытаясь стряхнуть наваждение.

А потом в Гошкины колени ткнулся мокрый нос. Гошка

осторожно открыл один глаз и увидел рыжее и кудрявое, а потом еще умные карие глаза, а потом пес положил лапы ему на колени и тихонько тявкнул.

Родители долго удивлялись, охали, ахали, не могли понять, но никто, конечно, не мог сказать про чудесную новогоднюю игрушку, что это «чудище» и «образина».

– Ладно, – вздохнула мама, – пусть остается, все-таки Новый год. Но имей в виду, Георгий, что гулять с ним будешь сам!

– Буду! – не веря своему счастью, сказал Гошка.

И в этот же миг с ветвей елки сорвался ало-золотой живой попугай.

Лодка в больших камышах

Летние истории

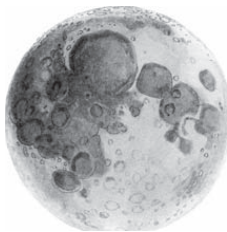

Рядом с детским оздоровительным лагерем «Дружба» есть маленькое озеро. Только об этом почти никто не знает. Оно прячется за лесом, укутанное большими, в мой рост, камышами. Я сюда приходила рано утром, до подъ-

ема, садилась на нос старой лодки, наполненной коричневой озерной водой наполовину, и писала дневник. Потому что отчет по практике – дело, конечно, хорошее, только не все для этого отчета подходит. В него про Ваську не напишешь, и про Маринку с Семёном никто читать не будет, а про бойкот скажут: «Как ты допустила? Ты же будущий педагог!» Дневник ничего такого не скажет. Молча стерпит, только страницами проищурит, если от внезапной волны качнется старая лодка, которая, будто маленький остров, прятала меня от всего света. Под шорох камыша и шепот страниц хорошо пишется о том, что для отчета не годится. Вот я и записываю в тетрадку свои не-отчетные истории.

Васька

История первая

Ночные разговоры

Я читала. В открытое окно лился свет огромной луны и фонарей. Фонари стояли у каждого корпуса, высокие, старинные, в чугунном наколпачнике, они делали лагерь похожим на старый город. Больше ничего особенного в этом лагере и не было. От фонарей и луны было светло, и я не зажигала в холле свет. Три часа ночи. Лень читать и спать охота. Пора уже ложиться. Все равно они давно уже спят.

Будто в ответ на мою смелую мысль, на мальчишеской половине скрипнула дверь, и зашлепали босые ноги. Силуэт с растрепанной шевелюрой не узнать было невозможно.

– Далеко собрался, Василий? – поинтересовалась я.

Васькина тень на стене дернулась, но он, видимо, тут же

понял, что сбегать – себе дороже, а прятаться – бесполезно. Да и зачем? Началась наша привычная игра.

Васька вздохнул и соврал:

– А я... это... в туалет.

– Потихе, – попросила я. – А что, ваш туалет не работает?

Я знала, что там все в порядке, и Василий это тоже знал.

– Ну Ма-а-аша... Я время хотел посмотреть, а там темно.

«Ну-ну, – мысленно покачала я головой, – не умеешь врать, Васенька!»

– Иди сюда.

– А чего? – ошетинился тут же Васька.

– Да ничего. Я тоже время посмотрю. Мои остановились.

Васька засопел, пряча руку за спину, и пробормотал, почти сдаваясь:

– А мои тоже... ну... тоже сломались.

– Вася, тебя в школе учили, что врать нехорошо?

– Не-а, – дурашливо ответил он и подошел.

– Садись, – сказала я, закрывая окно. Простудится еще, вон какой разгоряченный ото сна. – Не спится?

– Бессонница... – по-взрослому вздохнул Васька.

Попытался пригласить вихры, но безуспешно. Волосы у Васьки черные, кудрявые. За первую смену оброс. Я ему говорила, чтобы подстригся, но он и на вторую смену приехал лохматым. Заявил сразу:

– А я теперь в твой отряд пойду!

Нельзя сказать, чтобы я обрадовалась и от счастья сдела-

ла сальто-мортале. Всю первую смену, когда я работала на самом младшем отряде, Васька ходил за мной по пятам, все норовил помочь и пытался быть пай-мальчиком (особенно если я посмотрю построже), но характер у него все-таки не сахар, а темперамент такой, что хватило бы на десять мальчишек. Поэтому к Васькиному заявлению я отнеслась насто-роженно: одно дело, когда он приходит в гости и за него ни отвечать не надо, ни спать укладывать, и совсем другое, ко-гда он у тебя в отряде. Но все-таки Васька – это Васька, и с первых дней у нас с ним сложились особенные отношения. Он, правда, грустил поначалу, а однажды спросил меня:

– Маша, а почему та девочка не приехала? Ну у тебя в отряде была, Ленка. Помнишь?

Ленка как Ленка. Обычная семилетняя девчонка.

– У нее глаза грустные, – сказал Васька серьезно. – Может, ее обижают кто?

– Да нет, – пожала я плечами. Сдалась ему эта Ленка!

– Я бы ее нарисовал, если б умел. Знаешь как? В красном сарафане и косыночке.

Васька – человек интересный. Он не боялся насмешек, обидчиков бил, а если считал их недостойными противни-ками (девчонок, например), то просто игнорировал. Шурил синие глаза и презрительно хмыкал. Он вообще-то бывает разным: то насмешливо-независимым, то бешеным – не уго-нишься, то капризным, то угрюмым, то задумчивым, то та-ким, как сейчас, – взъерошенным и доверчивым. Сел по-ту-

репки на высокий пуфик, зябко передернул плечами. Я молча бросила ему свою куртку, он также молча накинул ее на плечи, чуточку улыбнулся и посмотрел из-под густой челки. Я знала, что если отправить сейчас Ваську спать, то он весь отряд перебудит. Уж лучше пусть сидит здесь, у меня на глазах.

Мы с Васькой часто разговаривали по ночам. Обо всем на свете. Я любила его слушать. Васька рассказывал про свою собаку, которая бабушку слушается больше, чем его; про то, как он сломал чужой велосипед и от бабушки ему влетело;

про то, как он с дворовыми мальчишками строил мостик через широкий ручей в овраге; и про то, кем он хочет стать, когда вырастет. А быть Васька хотел непременно вот кем:

– Этим... ну как его... мне бабушка говорила, только я за-
был. Ну понимаешь, Маша, они ходят по всему миру и смотрят, где какие моря расположены, реки, горы, ну и пустыни тоже... А потом рисуют карты.

– У тебя получится, – сказала я.

– Да? – Он сощурил левый глаз, сверкнул синей искрой и облегченно вздохнул, будто я благословила его на трудный путь.

А еще у Васьки получилось бы быть вожатым. В первой смене мне даже говорили, что у нас четыре взрослых на отряде: вожатый, воспитатель, физрук и Васька. Его вожатая то обиженно жаловалась, что Васенька все для моего отряда сделает, а для своего не допросишься, то с облегчением вздыхала:

– Зато не надо волноваться, если долго нет. Всех мальчишек у речки или в лесу ищешь, а Васю – в пятнадцатом отряде!

– И чего он к нам прилип? – недоумевал наш физрук Костя.

Я тоже недоумевала, пока однажды Васька не сказал:

– А ты на мою маму похожа.

Сказал, соскочил с качелей и ушел, насвистывая. Мама у Васьки была археологом и погибла в одной экспедиции. Это

знали все вожатые. И отец у Васьки – тоже археолог, вечно в разъездах, на раскопках. Его отец – цыган. От него, видимо, Василию и достались и копна черных волос, и страсть к путешествиям, и горячее сердце.

Мы долго болтали с Васькой, как всегда, и даже спать мне уже не хотелось. И конечно же мы доболтались! К четырем часам в холл вышел Савушкин. Улыбнулся своей улыбкой, от уха и до уха, и сказал:

– А я слышу, кто-то разговаривает... Маша, я посижу тоже?

Любой другой без разговоров бухнулся бы на диванчик рядом со мной («А чо, Ваське можно, а мне нет?»), но Савушкин – это Савушкин. Он ребенок особенный. Его все звали по фамилии, многие его имени и не знали даже, да и сам он, представляясь, называл только свою фамилию, без имени. Наверное, потому, что ему подошло бы единственное имя – Солнышко (вполне созвучное с Савушкиным), а у него, естественно, другое. Конечно же он был соломенно-рыжий в крапинку, с ясными, широко открытыми и будто удивленными глазами. Савушкин улыбался всему, он жил с ощущением радости и, кажется, совсем не умел злиться. И его любили за это.

Ну как можно не любить Савушкина? Он носил мне охапки цветов из леса, он с радостной готовностью делал все, что ни попроси, он сочинял сказки и рисовал. Рисовал Савушкин замечательно и все подряд. Каждое дерево, каждого жуч-

ка, каждого человечка, каждый день. У меня этих рисунков накопилась целая папка. Васька – я видела – завидовал Савушкиному умению рисовать, но они все равно были приятелями.

Савушкин сел рядом со мной и стал тихо слушать, как я пересказываю «Собаку Баскервилей». Я искренне надеялась, что остальные двадцать два человека спят крепко-прекрепко и наши разговоры их не разбудят. Не тут-то было! С девчоночьей половины прискакала Катеринка.

– Ага, не спите! – сказала она, будто это она, а не я была вожатой. Села по другую сторону от меня, прижалась к моему плечу.

Васька тут же нахмурил угольные брови. Катеринка показала ему язык и посмотрела на меня: мол, рассказывай, Маша, дальше.

Мне очень нравится Катеринка, девчонки ее обожают, мальчишки считают «своим парнем». Мальчишки собираются ночью огородничать, кого возьмут с собой? Катеринку. Хотят сбежать с сончасы на рыбалку, кто пойдет их отпрашивать у меня? Катеринка. У Семёна не ладятся отношения с Мариной, кто их помирит? Катеринка. Алина плачет по ночам, скучает по дому, кто ее успокоит? Катеринка. Душа-ребенок!

Я продолжаю рассказывать (вернее, начинаю сначала) и жду, когда появится Дашенька, Катеринкина подруга. И Дашенька конечно же появляется. Закутанная в одеяло, сон-

ная, маленькая, робкая и вся какая-то прозрачная. Я усаживаю ее рядом с собой, стараясь не смотреть на Ваську, и вздыхаю, представляя последующие полчаса. Я оказываюсь права: скоро половина отряда собралась в холле и не сводила с меня заинтересованных глаз.

За что я люблю свой отряд, так это за то, что они могут быть тихими, если нужно. Ночью, когда все нормальные дети должны спать. В холле, недалеко от вожатской, где спит мирным сном наша воспитательница. И как им спать не хочется? Кажется, я никогда не люблю их больше, чем в эти минуты.

Один Васька сердито проворчал:

– Ну опять не дали с вожатой о серьезных вещах поговорить!

Но никто его не услышал. В половине пятого я разогнала всех спать. Я-то смогу до обеда отсыпаться (потому что такой у нас в лагере порядок – дежурный по отряду может спать до обеда), а их, бедняг, наш строгий физрук Олег поднимет в восемь часов – и никаких гвоздей.

Поэтому, как бы они ни умоляли, я отправила их по кроватям, причем пришлось каждого укрыть получше и каждому пожелать доброй ночи.

Васька сунул мне в руку что-то теплое, плоское и сразу же отвернулся к стене. Я подоткнула ему одеяло и в спину пожелала приятных сновидений.

В холле рассмотрела Васькин подарок. Это была деревян-

ная, грубо выточенная дудочка, нет, скорее, свисток, с выжженной, видимо лупой и солнцем, надписью: «Я – Васька!»

Васька сам ее сделал: я как-то застала его за этой кропотливой работой. Он тут же спрятал все и набычился: не подходи! Я тогда обиделась (ну не обиделась, а так, кольнуло что-то: Васька почти все мне рассказывал). Понятно теперь, что у него за тайная работа была. Я дунула – из свистка вырвался стремительный, звонкий звук. Таким иногда бывает синий Васькин взгляд.

И тут же услышала, как с первого этажа несется Валерик, только что вернувшаяся со свидания.

Валерик и другие

Валерик – это длинноногая красавица Валерия Леонидовна, Лера. Ласково мы зовем ее Валерик за ее привычку все называть уменьшительными именами. Валерик работала на третьем отряде, который размещался на первом этаже нашего корпуса. Она была высока, стройна, весела, пила много кофе и постоянно ссорилась с директором лагеря. Валерик была убеждена, что в нее тайно влюблены все мужчины лагеря, в том числе и директор.

Мужчин в лагере было много. Нам повезло: лагерь не напоминал женский монастырь, как это часто бывает. С педагогическим составом тоже повезло: мы приехали на практику дружной университетской группой и отважно работали вот уже вто-

рую смену. В каждом отряде кроме воспитателя и водителя работал еще и профессиональный спортсмен, потому что «спорт – дело серьезное», как говорил наш директор. Моим напарником был Олег Рич. С Олежкой мы большие друзья. Особенно нас сближала борьба против А. М.

А. М. – это Антонина Марковна, наша воспитательница. На детей у нее была аллергия. Целыми днями она рассказывала, как замучили ее дети в школе (она преподавала физику), какие они хамы и как она устала и зачем только она позволила подруге себя уговорить поехать в этот кошмарный лагерь, где все такие нахалы, а от детей спасу нет. Что ж, все двадцать четыре «чудовища» из нашего отряда отвечали ей тем же – нелюбовью. Все было бы ничего, но она своей воспитательской властью могла запретить нам с Олегом водить детей за ягодами в лес или собираться по вечерам в нашем штабе-шалаше, который мы сами построили. Каждый день нам приходилось выдерживать сотни батальи с А. М. И если со мной она была еще мила, то Олегу приходилось очень туго. Видимо, как большой ребенок, он тоже вызывал у нее аллергические реакции.

Моя лучшая подруга Нина только поражается моему мужеству и терпению: я живу с А. М. в одной комнате. Хорошо Нине, она живет с Валерик.

Мы с Ниной похожи. Нас часто спрашивают:

– Вы сестры?

– Ага, двойняшки! – смеемся мы.

Странно, но многие верят. Нина – наполовину грузинка. В прошлом году, на каникулы, мы ездили в ее солнечную Грузию. Впечатлений – море! Особенно от ее черноглазого брата Дадхо. Он до сих пор пишет мне трогательные письма, хотя я и не согласилась быть его женой, и если Нина хочет меня позлить, то непременно вспоминает его острый кинжал. Хорошо, что здесь нет Дадхо, он бы всех перерезал. И в первую очередь Митьку-гитариста. Митька – моя первая любовь. Он до сих пор делает вид, что безумно в меня влюблен, но мы оба знаем, что все это – просто игра. Митька поет лирические песни, глядя мне прямо в глаза, и может очень натурально изображать страдания по моей персоне. И все это с искрами смеха в зеленых хулиганских глазах. Ах, Митька, Митька...

В общем, жили мы вожатыми весело и дружно, возможно, потом я расскажу и об этом, а пока...

Утро

Олег-зараза не дал мне поспать, растормошил в восемь ноль-ноль со словами:

– Маша, если ты не уймешь эту мымру, я утоплюсь!

Скрипя костями, я встала. Продрав глаза, взглянула на свет божий. Там сияло солнышко.

– Какого черта, Олег... – пробормотала я, отворачивая его к стене, чтобы одеться.

– Что опять у вас?

– Это у нее опять! Завихрения в мозгах!

– Олег...

– Ну, Маша, я ей вчера полдня вдалбливал, что зарядку буду на берегу проводить с купанием. Она тихо-мирно кивала, соглашалась, как покорная овечка, а сегодня уперлась, и ни в какую! А я уже ребятам пообещал, они ждут...

В течение этой гневной речи я успела одеться и развернула Олега к себе.

– Тебе что, пять лет? Убеди ее.

– Ага, она только усмехается: «Докладная о вашем поведении, Олег Викторович, ляжет на стол директору!»

– Да не ляжет. Ей даже это лень будет делать. Иди, я тебя прикрою.

Умываясь в фонтанчике традиционно ледяной водой, я развлекала А. М. разговорами, а отряд во главе с Олегом тем временем мелкой трусцой бежал к стадиону. Там, я знала, они сделают круг и через заросли проберутся к реке. Я не волновалась. Олег – человек надежный, я ему доверяла. Он наверняка нашел безопасное место, где детям по пояс, и проверил дно. Они бежали мимо нас и махали руками. Кричали мне: «Доброе утро!» – совершенно игнорируя А. М. Впрочем, ей, кажется, все равно.

Васька угрюмо стрельнул синими глазами, я ему помахала, и он смущенно улыбнулся. Ох, Васька, Васенька...

Лагерь просыпался. Из радиорубки гремела «пробудительная» музыка, которая, по Васькиным словам, и мертвого поднимет. Как горох высыпали на площадку перед столовой малыши из пятнадцатого отряда. Многие из них были у меня в прошлой смене и сейчас радостно здоровались. В столовой тоже суeta, вот уже и дежурный отряд идет накрывать.

– Что-то долго их нет... – проговорила А. М., справедливо подозревая во мне соучастника.

В этот самый миг из-за деревьев показалась Олежкина голова. Сейчас самое главное – отвлечь А. М., чтобы она не заметила, что у ребят мокрые головы и довольные лица.

– Антонина Марковна, вы мне расскажете, что вчера на планерке говорили?

– Разве я не рассказывала? – удивилась А. М.

Она, конечно, рассказывала, но память у нее, к счастью, была некудышная.

– Надо мне сходить за тетрадкой... Ох, памяти совсем нет, но я все записала. Всегда надо записывать! Маша, только ты не уходи и проверь, чтобы у детей были сухие головы и плавки. Боюсь, твой напарник все-таки повел их на реку. Я последний раз его предупреждаю... – И она выразительно посмотрела на меня. Видимо, эти слова я должна передать Олегу, чтобы он начинал бояться.

– Хорошо, Антонина Марковна, я прослежу. – Мне стало ее даже немного жалко.

А. М. степенно удалилась в корпус. А ребята тут же под-

летели к умывальникам и начали чересчур активно умываться. Двадцать четыре умненькие головки спасли Олега от выговора, потому что А. М. всерьез решила, что они успели обрызгать друг друга с ног до головы. Она довольно хмыкнула: «Все равно вышло по-моему!»

Как легко она себя обманывала, чтобы избежать лишних движений!

За завтраком я полчаса уговаривала Олю съесть молочный суп. Оля – вредина: не ест и не уходит. Самое смешное, что она обожает молочный суп и аппетит у нее всегда отменный. А тут она сидит перед тарелкой, руки положила на колени и чуть ли не ревет. Я билась с ней минут десять (очень уж хотелось понять, в чем дело), и только когда все ушли, она тихо призналась, что это вторая тарелка и ей очень хочется ее съесть. А Сёмка сказал, что она и так толстая, но если она хочет затмить повариху тетю Катю (два метра в высоту и столько же в ширину), то, так и быть, он постарается и принесет ей с кухни третью тарелку и буханку хлеба в придачу.

Я обругала Сёмку балбесом и долго и пространно говорила о красоте, здоровье и мальчишках и так далее и тому подобное, после чего Оля с легкой душой и завидным аппетитом съела этот непонятный суп. Надо вызвать Семёна на ковер: зря он дразнит Олю.

Семёна я нашла в первой палате девочек. Ну конечно, где же ему еще быть! Маринка его ни на шаг от себя не отпуска-

ет, а он и рад стараться: носит ей охапками цветы и бисквиты из столовой, так как является родным племянником заведующего хозяйственной частью.

– Семён! – Я указала головой на дверь.

– А что, посидеть нельзя? – возмутился Сёмка.

– Разговор есть.

Сёмка сразу понял, в чем дело, и заартачился:

– Ой, а сейчас уборка будет...

– Ничего, мы успеем. Быстрый разговор.

Девчонки на него зацыкали: знали, что, когда я так строго говорю, лучше не спорить. Мы вышли в холл.

– Ты зачем Ольгу обидел?

– А что, не так, что ли?!

– Не так... – начала я, но меня буквально с ног сбил Герка.

– Ой, Маша, я не хотел, ай!!!

Ну Герка! Вечно его кто-то догоняет, вечно он носится, сбивая всех с ног, не исключая меня, А. М. и Олега. Он передвигается с такой скоростью, что кажется, все ветры мира дуют ему в спину. У Герки постоянно разбитые коленки, я вожу его в медпункт чаще, чем всех остальных ребят, вместе взятых. Сейчас Герка прятался за моей «широкой» спиной от Славки, у которого, как оказалось, стащил живого ужа и выпустил на волю.

Я ужаснулась:

– Только не говорите, что он жил у вас в палате!

– Нет, Маша, он в холле жил, под креслом.

– И давно?

– Три дня.

Мне чуть плохо не стало. Уж, конечно, змея безобидная, но мало ли...

– Ай, не дерись! Ой, Маша, скажи ему! Уж в лесу хочет жить, а не под креслом!

– Хотел бы – сам бы уполз, чего ты лезешь!

– Славян, ай! Отстань! Ну Маша-а-а-а!

– Слава, Гера, подождите, так вы убрали ужа?

– Вон этот дурак утащил его в лес! – кипел от негодования Славка.

– Слава богу! – выдохнула я.

Герка показал Славке язык, тот набычился. Я взяла его за острый локоть.

– Слава, ну, ты же понимаешь, что ужу не место в корпусе...

– Да-а-а! – обиженно протянул Славка. – А может, я хотел его домой забрать?

– Ну к отъезду еще поймаешь, – растерянно пробормотала я, прекрасно предвидя Славкин ответ.

Он дернул плечом, сипло сказал:

– Мне тот нужен... – И пошел, понуро опустив голову. Потом обернулся и крикнул: – Ну ладно, Герище, я тебе задам!

Я только вздохнула. Ну что мне с этим любителем животного мира делать? Первую неделю он вообще в чемодане ящериц разводил.

Пока я разбиралась со Славкой и его зверинцем, Семёна и след простыл. А. М. и Олег выгнали всех на трудовой десант. Дежурные по палатам лениво заканчивали уборку. Вдруг с улицы меня позвал звонкий Сёмкин голос:

– Ма-а-а-ша!

Я выглянула в окно. Сёмка задрал голову и лучезарно улыбался.

– Маша, я больше не буду. Я извинился перед ней.

Нет, Семён все-таки молодец. Он умеет просить прощения, когда виноват. Вот из Василия этого элементарного «я больше не буду» клещами не вытащишь, даже если его вина очевидна.

Я сидела на подоконнике и грелась на солнышке, изредка поглядывая, как идет уборка территории. Ну конечно, все люди как люди, делом заняты, а Васенька с Савушкиным уселись верхом на старый покосившийся забор за корпусом и мирно беседуют. Я прислушалась.

– Эх, Савушкин, тебя бы в первую смену! В Машином отряде такая девчонка была!

– Понравилась, да? – участливо спросил Савушкин.

– Дурак, что ли?! – возмутился Васька. – Она же в малышковом отряде была. Ей семь лет!

– А-а-а... Хорошая?

– Не то слово. Глаза на пол-лица, и такие... Эх ты, Савушкин! – махнул рукой Васька, будто Савушкин был виноват, что не знает эту Ленку.

– Други мои, убираться будем или как? – поинтересовалась я.

– Или как, – дерзко заявил Васька, но тут же сообразил, с кем разговаривает, и смутился. Правда, ненадолго.

А Савушкин спросил:

– Маш, у тебя же выходной до обеда, ты почему не спишь?

– С вами, оболтусами, поспишь, – проворчала я и пошла проверять палаты.

Васькины мучения

Ко всем приезжали, а к Ваське нет. Но он ходил веселый, насвистывал что-то себе под нос. Оно и понятно: отца, наверное, все лето не видит, что ему месяц. Хотя нет, Васька все равно скучал и свистел все громче и веселее. Только старался быть рядом со мной. Не отходил просто! А если обзывали прилипалой – колотил обидчиков. Ох и натерпелась я в эти дни с Васенькой!

Однажды он сидел у меня в сончас. Ночью Васька не спит, в сончас тоже. Спрашиваю:

– Ты когда-нибудь спишь, Василий?

– Ага, – отвечает, – на лагерных мероприятиях.

Сегодня жарко, все утомились – спят, а он колобродит.

– Ску-у-учно... Маша, можно я Савушкина разбужу?

– Я тебе разбужу! Сейчас сам быстро в постель отправишься.

– Идиотизм какой-то! – возмутился Васька. – На улице солнце, а ты спи. Ну ведь неправильно же, Маша!

– Это ты неправильный. Все ведь спят.

– Ну и дураки.

– Не ругайся – выгоню.

Васька повздыхал, взял мою книгу. Оттуда выпала и спланировала на пол фотография Дадхо. Васька поднял.

– Это кто? Жених, что ли?

– Это народный артист Грузии – Дадхо Чаурели, – грустно соврала я. Вот бы Дадхо посмеялся.

– Ну-ну! – усмехнулся Васька. Поднес фотографию к глазам: – Как его зовут?

– Дадхо.

– На папу похож.

Я даже поперхнулась кислой ранеткой, кучу которых при-тащил мне сегодня Савушкин.

– Не веришь, да? – сощурил свои синие глазищи Васька.

Соскочил с кровати и умчался. Я думала: обиделся, но он вернулся через пять минут. Положил передо мной фотографию. На ней была изображена семья, в центре торчала кудлатая голова маленького Васьки. Этаким бесенок...

– Это бабушка.

Бабушка, маленькая и сухонькая, смотрела строго.

– А это папа. Ну что, не похож?

– Ну немножко, – согласилась я, чтобы не обижать его. Хотя, по-моему, совсем они не похожи, просто оба черново-

лосые, темноглазые.

– А это – мама.

Да, тут Васька прав. Мы действительно чем-то похожи с его мамой. Не сильно, но все же... Тип лица, разрез глаз и что-то еще – неуловимое. Васька выжидательно смотрел на меня. Он первый раз показывал мне свою маму.

Я сказала осторожно:

– Твоя мама скорее на Нину похожа, – и это была правда, – вожатую третьего отряда. Знаешь?

Васька крутанул пальцем у виска.

– У нее же глаза черные, а у мамы – синие. Как у тебя.

«И как у тебя», – мысленно добавила я.

– Я же не виноват, что на фотографии не видно, – внезапно обиженно сказал Васька, забирая снимок, – а рисовать, как Савушкин, я не умею.

Сказал и ушел. И весь день на меня не смотрел. Я чувствовала себя виноватой. Отношения у нас с ним совсем разладились. Он со мной даже не разговаривал. А что я сделала-то?!

Впрочем, Ваське было не легче. Он притих, вечно думал о чем-то или, наоборот, старался не думать, будто боролся с какими-то своими мыслями. А однажды подошел ко мне и, покусывая нижнюю губу, выдал:

– Маша, а ты уверена, что у тебя никогда ребенка не было?

Не знаю, как Васька, но я-то в своем уме и точно знаю, что детей у меня не было.

– Ты что надумал, Вась? – тоскливо спросила я.

– Ну, а вдруг ты моя мама, а сама об этом не знаешь? Ведь ее не нашли тогда под завалом, может, она... ты спаслась, только память потеряла?

Я ему попыталась объяснить, что так не могло быть, но он не стал слушать, крикнул:

– Ты не понимаешь! – И убежал. И опять замолчал.

Но я понимала, как же я его понимала! Но не могла же я в самом деле стать его мамой! Если бы у Васьки отца не было, я бы без разговоров взяла его себе, но...

Он мучился, я мучилась...

И тут к Ваське приехали. Я стояла на крыльце нашего корпуса и видела, как Васька бежит раскинув руки навстречу высокому мужчине в смешной, какой-то детской, панамке. Васька повис на нем, в шею вцепился и не слезает. А отец смеется, что-то говорит ему... И мне захотелось плакать. Конечно, кто я ему? Вожатая, которых у него было выше крыши! Зачем я Ваське, когда у него такой отец?

Васька пришел сияющий.

– Маша, а папа на два дня останется! Ему директор разрешил и ключ от гостиной уже дал. Маша, можно я с ним ночевать буду?

– Ну конечно, – отрешенно ответила я.

Я радовалась за Ваську, но не могла отделаться от чувства, будто у меня что-то отняли. Васька сел передо мной и Са-

вушкиным на корточках (мы на полу отрядную газету рисовали) и затарахтел:

– Представляете, я думал, он в экспедиции, а он взял и приехал. А я в лагере! А он сразу ко мне! Ой, Маша, он мне такой красивый камень привез, говорит, что раскопки ведутся недалеко от моря и там этих камней завались! Они теперь в Грузию поедут.

Что-то я к Дадхо в гости захотела...

– Савушкин, а ты моего папу нарисуешь? Он согласился позировать. – Васька стрельнул на меня синими искрами глаз. – Я его портрет Маше подарю, чтобы она своего народного артиста забыла.

Я огрела Ваську мокрой тряпкой: вот нахал!

Он по-девчоночьи взвизгнул, дернулся. И конечно же пролил стакан с водой на газету! Нам пришлось рисовать все заново, но мне было все равно, потому что Васька сказал:

– Савушкин, ты и меня нарисуй. А то я уезжаю, меня папа с собой берет. Только я позировать не буду, ты – по памяти.

...Ох, Васька-Васенька! Он познакомил меня со своим папой, его звали Сергей Алексеевич. Когда он улыбался, в его карих глазах зажигались золотые искры. У Васьки, наверное, отцовский характер. И тут еще он подходит ко мне и говорит:

– Маша, а вот у меня папа спрашивает, где таких красивых, как ты, вожатых берут? Что ему ответить?

– В огороде выращивают, – мрачно отвечаю я.

Тогда Васька становится грустным.

– Маш, а ты моего папу полюбить совсем не можешь, да?
Я столбенею.

– Что ты выдумал, а?

Васка опустил голову ниже плеч и выдавливает из себя тяжелые, как камни, слова:

– Ну ты бы тогда мне как мама была. На самом деле...

Я чувствую, что зареву сейчас. Особенно если вспомнить, что вещи Васькины уже собраны и после обеда он с отцом уезжает. Как перед маленьким, я сажусь перед ним на корточки, чтобы заглянуть в глаза, и говорю:

– Васька, я в гости к тебе приеду... Хочешь?

Но он отчаянно замотал головой: нет!

– Ты приедешь и уедешь. И опять навсегда. Как мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.